

Лев Мечников

НЕАПОЛЬ И ТОСКАНА

Физиономии итальянских
земель

Лев Мечников

**Неаполь и Тоскана. Физиономии
итальянских земель**

«Алетейя»

до 1888 г.

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

Мечников Л. И.

Неаполь и Тоскана. Физиономии итальянских земель /
Л. И. Мечников — «Алетейя», до 1888 г.

ISBN 978-5-907030-22-0

Завершающий том «итальянской трилогии» Льва Ильича Мечникова (1838–1888), путешественника, бунтаря, этнографа, лингвиста, включает в себя очерки по итальянской истории и культуре, привязанные к определенным городам и географическим регионам и предвосхищающие новое научное направление, геополитику. Очерки, вышедшие первоначально в российских журналах под разными псевдонимами, впервые сведены воедино.

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

ISBN 978-5-907030-22-0

© Мечников Л. И., до 1888 г.
© Алетейя, до 1888 г.

Содержание

От публикатора	7
Лев Мечников и Италия[1]	9
Неаполь и Тоскана	25
Часть 1	25
Неаполь и Тоскана	25
Из Италии	36
Из Сиены	52
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Лев Ильич Мечников
Неаполь и Тоскана. Физиономии
итальянских земель

© Р. Ризалити, публикация, 2018

© М.Г. Талалай, редакция, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

От публикатора

В первых двух томах нашей трилогии Л. И. Мечников предстает перед нами как боец, участвующий в итальянском Рисорджименто с энтузиазмом и с отречением – на грани самопожертвования, в итоге «заплативший» за это изгнанием из любимой Италии, так как его борьба за свободу и независимость народа переросла в опасную для правительства борьбу за социальную справедливость.

Живя вне Италии, Мечников не перестает глубоко интересоваться историей, географией, культурой различных итальянских регионов. Решающими для его комплексного видения процесса освобождения Апеннинского полуострова от отсталости, голода, нищеты, гнета стали путешествия на Ближний Восток, по Европе и Северной Африке, и, особенно, служба в Японии. Кругосветное путешествие 1874–1876 гг. и японский опыт позволили Мечникову окончательно расширить и «глобализировать» свои исторические концепции, и стать одним из основателей новой науки, впоследствии получившей бурное развитие под названием «геополитика».

Первые элементы этой новейшей отрасли истории можно уже отчетливо усмотреть в его очерке «Этрурия» и в «Письмах о тосканских Мареммах»: в них автор четко выводит перипетии Вольтерры из ее геологической конфигурации и из того обстоятельства, что положение города между Флоренцией и морем являлось помехой развитию флорентийской коммерции. Неслучайно Франческо Ферруччи («Гарибальди» XVI столетия, по выражению самого Мечникова) был беспощаден к Вольтерре, почти ее уничтожив...

Публикуемые очерки о тосканской Маремме с ее отличительными геоморфологическими характеристиками являют особый анализ человеческого сообщества, психологические и этнографические черты которого зависят от лесистых и плоских земель, окаймленных лиманами (*lagoni*).

Статья «Неаполь и Тоскана», открывающая наш сборник и давшая ему название, имеет немалую важность: она показывает, как Гарибальди сумел убедить неаполитанскую каморру встать на сторону объединения Италии – в этом состоит его историческая заслуга, которую не сможет зачеркнуть никакой морализм: ведь таким образом новое государство смогло избежать планы по *конфедерации* Италии под президентством папы римского (идея Джоберти, затем измененная и вновь предложенная Кавуром), а также проекты по *федерализму*, выдвинутые Карло Каттанео.

Очерк Мечникова о Сиене – это суровая критика одной отрицательной особенности Италии – ее безудержного местничества, которое часто превращает страну в «бордель», согласно обвинениям Данте. Вместе с тем, автор также позволяет увидеть город не замкнувшимся в своем провинциализме, а полноценно и сознательно участвующим в процессе Рисорджименто, не без реакции папистских сил, всё еще пропагандировавших за папу-короля.

«Письма об итальянских ремесленных братствах» обнаруживают высокий гуманизм Льва Мечникова. Он мечтает о том, чтобы бедные городские и крестьянские слои в Италии избежали пороков ускоренной индустриализации. К сожалению, европейская и мировая история пошла не тем путем, на который уповал автор: теперь периферии больших городов превратились в средоточие нищеты и депрессии, но это уже – вина не нашего бесстрашного борца против пороков общества.

В третьей части сборника мы представили проникновенные суждения Мечникова о современной ему итальянской живописи, хотя в представленную им панораму не попало зарождавшееся тогда движение «маккьяойли», воистину новаторское, предвосхитившее европейский авангард и незаслуженно обойденное искусствоведами. В этой же части – обстоятельные тексты о итальянской литературе, начиная с Уго Фосколо и кончая Джузеппе Джусти. Осо-

бенность анализа Мечникова – в том, что справедливо видит главную противоположность в литературе между Леопарди и Джусти, а не между Леопарди и Манцони, на чем ошибочно настаивает итальянское литературоведение.

Льву Мечникову удалось одному из первых, за многие десятилетия до других русских исследователей, охватить развитие итальянской политической мысли, начиная от Данте и Фомы Аквинского и кончая Чезаре Бальбо и другими деятелями Рисорджименто (от Мадзини до Феррари). Мечников и поныне остается единственным – даже в итальянской историографии – кто сумел описать историю политической мысли в Италии с самого ее начала, то есть с Данте и до эпохи объединения страны. А ведь это – родина Макиавелли! Но будем верить, что рано или поздно и какой-нибудь итальянский исследователь, не взирая на местничество и ватиканскую проблему, найдет время для подобного трактата.

Нам же остается поблагодарить этого русского эмигранта и горячего патриота Италии за его бесстрашный труд на службе исторической истины.

Ренато Ризалити, январь 2018 г. Пистойя
Перевод с итальянского М. Г. Талалая

Лев Мечников и Италия¹

Лев Ильич Мечников (1838, С.-Петербург – 1888, Кларан, Швейцария) – одна из ярких фигур истории XIX века, чья деятельность по сей день остается еще мало изученной и далеко не во всем оцененной. Энциклопедические справочники по-прежнему выдвигают на первый план его вклад в географическую науку, а самые новые – в геополитическую. Однако, с не меньшим основанием мы можем говорить о значении его работ для этнографии, социологии, истории, литературоведения, педагогики и т. д. В этом направлении выдержано недавнее переиздание его магистрального трактата «Цивилизация и великие исторические реки» и комментариев к нему.

Неутомимый труженик науки, Мечников, однако вовсе не ассоциируется с традиционным образом кабинетного мыслителя. Он жил жизнью, полной тревог и опасностей, посвященной борьбе с политическим деспотизмом, за права и свободу народов и человеческой личности. Эта борьба тесно переплеталась с его научными занятиями, служила питательной почвой и стимулом для них.

Творческое наследие Льва Мечникова огромно и до сих пор не собрано полностью, оставаясь рассеянным в различных русских и западноевропейских изданиях, в наше время малоизвестных, а то и вовсе забытых. По ориентировочным данным, оно насчитывает около полутысячи печатных произведений. Важное, во многом определяющее будущее направления творчества Мечникова, место среди них занимают работы, посвященные культуре и истории Италии и итальянским событиям, современником которых он был, и которые теперь изданы петербургским издательством «Алетейя» – в форме своеобразной трилогии – трудами историков Ренато Ризалити и Михаила Талалая.

* * *

Мечников жил в Италии в 1860–1864 гг. Эти пять лет оказались чрезвычайно насыщенными. Мечников интенсивно учился живописи, принял участие в гарибальдийском походе 1860 г., путешествовал по

Италии, проявил себя в общественной деятельности, в том числе, русских и итальянских конспирациях, устроил личную жизнь, установил обширные знакомства (Дж. Гарибальди, А. Дюма, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин и др.), начал писать и сотрудничал во многих русских и итальянских изданиях. Его печатные выступления внесли новую струю в освещение современной действительности Италии прежде всего тем, что представляли «взгляд изнутри» на ее проблемы, выражая позицию общественных сил, солидарных с лозунгами Гарибальди.

Естественно, что главными персонажами журналистских работ становятся близкие автору своими идеалами итальянские патриоты, участники гарибальдийских организаций. Символичной была и подпись, которую избрал Мечников для своих корреспонденций, *Гарибальдиец*. Она стояла под сообщениями, посылаемые из разных городов Тосканы в редакцию московского еженедельника «Современная летопись». Эти и другие итальянские статьи Мечникова во многом носят автобиографический характер и представляют особую ценность для реконструкции его деятельности в посленеаполитанский период пребывания в Италии.

¹ Статья Н. Н. Варварцева первоначально вышла на итал. яз. в переводе Р. Ризалити как послесловие, с названием «Lev Mecnikov e l'Italia», в: Mecnikov L. I. Memorie di un garibaldino russo [«Записки русского гарибальдийца»] (Moncalieri: CIRVI, 2008); русский оригинал статьи (переработанный и снабженный новыми комментариями) публикуется впервые. – *Прим. ред.*

Первая корреспонденция за подписью *Гарибальдиец* вышла под названием «Неаполь и Тоскана» (включена в настоящий том). Она была написана во Флоренции и датирована 29 июля 1861 г. Вот как объяснял автор цель статьи:

Я выбрал именно эти две области, потому что, во-первых, я их знаю лучше остальных частей Италии, а во-вторых, потому что они представляют две совершенно противоположные фазы развития. Тоскана, с ее блестящим прошедшим, с ее кроткими и трудолюбивыми жителями, страна промышленности, и Неаполь с его буйными ладзаронами, готовыми на всё, даже поработать полчаса, чтобы продолжать сладкое *far-niente*², долго еще будут жить своеобразною отдельною внутреннею жизнью, какое не затевайте административное единство. Лишь когда сгладятся эти особенности, тогда только единство Италии будет вполне совершенным, тогда только начнет существовать итальянская нация...³

Единство Италии, за которое ратует Лев Мечников, он связывает с созданными под председательством Дж. Гарибальди «Comitati di Provvedimento»⁴. Принимал ли Мечников непосредственное участие в них уже в те первые после возвращения из Неаполя месяцы 1861 г.? Возможно. Очерк «Неаполь и Тоскана» однозначно лишь подтверждает, что он – горячий сторонник этих организаций, защищает их от распространяемых в Италии инсинуаций, будто они состоят «на иждивении венского кабинета». Свою позицию Мечников раскрывает в рассказе о затеянном в королевском суде процессе против журнала «La Nuova Europa» («Новая Европа»), ставшего трибуной движения за объединение Италии. С глубоким уважением он характеризует главного редактора этого издания проф. Монтанелли: «экс-министр 1848 г., друг Мадзини и горячий приверженец идей его, признаваемый даже врагами за одного из даровитейших людей Италии и за одного из лучших ораторов Тосканы»⁵. Мечников присутствовал на судебном заседании, где выступал Монтанелли, а вынесенный присяжными вердикт в пользу «La Nuova Europa» расценил как выражение поддержки идеи единства страны, которая всё глубже укореняется «в народном сознании».

Для подтверждения огромного авторитета Гарибальди в разных слоях народа бывший гарибальдийский офицер обращается к воспоминаниям о своей военной службе в Неаполе, которые дополняют характеристику, изложенную в «Записках гарибальдийца» (переизданных в первой книге новой трилогии, подготовленной Р. Ризалити и М. Талалаем).

Зловещую картину присутствия каморры в городе Мечников обрисовывает так:

В первое время моего пребывания в Неаполе меня поражали страшные, мрачные фигуры, в живописных лохмотьях, с выразительными, большею частью злыми козлиными физиономиями, которые постоянно замечал я везде, где только собиралась толпа народа. Они неподвижно стояли среди всеобщего движения, ни с кем не говорили и только внимательно посматривали из-под нахлобученных своих *sombrello*, многозначительно заложив за пазуху руку [...]. Я не один раз спрашивал у людей, более знакомых с Неаполем, что означают эти фантастические фигуры. «Гамморист, *sono della gamorra*»⁶, –

² *Итал.*: ничегонеделание.

³ Современная летопись, 1861, № 34. С. 32.

⁴ *Итал.*: Комитеты по принятию мер.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ *Итал.*: они из каморры (гаморра – неточная транскрипция автора, хотя этимологию слова каморра возводят, предположительно, к библейскому городу Гоммора).

отвечали мне, почти всегда шепотом и с суеверным страхом оглядываясь во все стороны⁷.

Мечников, по собственному свидетельству, встречал Гарибальди при въезде в Неаполь и слышал приветственную речь, которую произнес главарь каморры Гамбарделла «на неаполитанском диалекте»:

Не знаю, понял ли ее Гарибальди, – я же со своей стороны видел только отчаянную мимику. Оратор не мог окончить своей речи. Он с неподдельным волнением бросился на колени и поцеловал руку народного героя. После этого Гарибальди имел с ним много свиданий и между ними бывали продолжительные разговоры. Из этих-то и тому подобных разговоров Гарибальди в несколько дней успел коротко ознакомиться со страной, которую видел первый раз, но которую понял и угадал все нужды, и спешил по возможности удовлетворить им административными распоряжениями⁸.

Благодаря ремаркам о датах и местах написания последующих статей мы узнаем, что в ноябре 1861 г. автор «Записок гарибальдийца», то есть уже после выхода их в свет, живет в Сиене. Этот переезд, как выясняется, имел прямое отношение к активизации комитетов за объединение Италии в Тоскане. Не случайно их деятельность занимает центральное место в новых публикациях Мечникова. В Сиене, погруженной «в свои муниципальные интересы», он отмечает признаки отрадного для всей Италии явления настойчивости горожан, связывавших дальнейшую судьбу родины с Гарибальди.

Мечников знакомится с сиенцами, которые в 1860 г. «оставили свои семейства и мастерские и отправились в ряды волонтеров» гарибальдийского войска. Теперь же «главная польза, извлеченная итальянскими городами вообще из последнего переворота, есть появление ремесленных братств и обществ взаимного вспомоществования между рабочими. Они делают «великое общественное дело», к которому Мечников относит выпуск в Сиене еженедельного листка «для народного чтения» – «одну из первых попыток в совершенно новом для Италии роде»⁹.

Важным моментом в политической деятельности Мечникова стало его вступление в состав Сиенского комитета за объединение Италии, что говорит прежде всего о продолжении активного участия гарибальдийского волонтера-иностранца в итальянском освободительном движении. Как видно из его корреспонденции, Мечников стал членом этой организации на первом ее заседании в январе 1862 г. в зале Дворца dei Rozzi¹⁰. С его же слов мы знаем также о втором заседании комитета под председательством профессора университета Феррари, бывшего узника герцогского режима. В корреспонденции «Из Сиены», публикуемой также и в настоящем томе, читаем: «На правах члена, я принимал очень деятельное участие в заседании, бывшем утром 2-го февраля»¹¹, где бурную дискуссию вызвал вопрос об отношении к готовящейся в тот день в Сиене демонстрации против светской власти папы. Мнения членов комитета разделились. Мечников оказался на стороне тех, кто выступил в поддержку манифестации и вечером принял в ней участие. В своем ответе он сообщал о провозглашавшихся там возгласах «viva¹² королю Италии и Гарибальди» и «вовсе не дружеских пожеланиях папе-государю и сиенским клерикалам»¹³.

⁷ Там же. С. 29–30.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Современник, 1862, февраль. С. 211.

¹¹ Современная летопись, 1862, № 7. С. 6.

¹² *Итал.*: да здравствует!

¹³ Там же. С. 8.

Еще одно заметное событие в сиенской биографии Мечникова произошло 16 февраля 1862 г., когда общее собрание комитета итальянского единства сформировало свое новое руководство. Сам Мечников по какой-то причине там не присутствовал, хотя комитет и принял решение относительно его нового статуса. Оно было изложено в сохранившейся записке за подписью сиенского демократа Фортунато Фанелли, который уведомлял Мечникова, что он избран в руководящий центр комитета¹⁴. Свою новую обязанность русский гарибальдиец совмещал с редактированием газеты «Flagello» («Бич»), о чем свидетельствует письмо от 12 июля 1862 г. в Петербург к редактору журнала «Современник» Николаю Чернышевскому¹⁵.

Лев Мечников не ограничивается в своей деятельности делами сиенских общественных организаций. Сторонник идеи Гарибальди о консолидации патриотических обществ, он выезжает в другие города для установления связей между ними. В конце февраля 1862 г. посещает Лукку, чтобы «посмотреть на учреждение ремесленного братства»¹⁶. Судя по присланной отсюда корреспонденции, его интерес к луккскому братству был вызван общей для подобных организаций задачей. Здесь он рассказывает о генуэзском центре комитетов за объединение Италии, в том числе о «комитетах по делам Рима Венеции», и об одном из ремесленных братств – обществе вольных карабинеров, занимавшемся закупкой оружия и военной подготовкой итальянцев. Мечников цитирует ответ Гарибальди от 18 февраля на обращение студентов: «Вас была тысяча со мной в 1860 году. Пусть вас будет миллион в 1862-м. Готовьтесь, это главное». К этим словам автор луккской корреспонденции многозначительно добавляет: «итальянцы приготавливаются и чего-то [подчеркнуто в тексте] ждут»¹⁷.

В ходе подготовительных мероприятий гарибальдийцев Мечников посетил конгресс ремесленных братств и комитетов за объединение Италии, открывшийся 9 марта 1862 г. в Генуе и нашедший отражение в двух его мартовских публикациях в «Современной летописи» и «Современнике». Подробности, сообщаемые в очерке «Капрера»¹⁸, не оставляют сомнения, что их автор присутствовал на заседаниях не только в качестве корреспондента, но и участника конгресса. Он описывает «зал маленького театра Паганини», куда прибыли посланцы местных комитетов: «Около половины двенадцатого громкие рукоплескания с площади дали знать собравшимся о приближении их председателя. Скоро действительно вошел Гарибальди и занял место за президентским столом»¹⁹.

В своем отчете Мечников сосредоточивает внимание на итогах работы конгресса, целях, которые там были определены. В корреспонденции «Из Сиены», публикуемой в настоящем томе и написанной сразу после завершения работы в Генуе, он отметил создание по инициативе Гарибальди центральной комиссии, объединившей «существующие здесь оттенки оппозиционной партии», перечислил персонально ее членов: Дольфи, Монтанелли, Брофферио, Кунео, Кампанелла, Мордини, Карбонелли, Криспи. Здесь же почти полностью была приведена программная речь Гарибальди к представителям «славной Италии» о готовности «выкупить нашей кровью» провинции страны, всё еще находящиеся «под гнетом иностранного деспотизма»²⁰.

Примечательно, что свой отчет о генуэзском съезде автор закончил публикацией документов, составленных в духе решений конгресса и непосредственно касающихся Сиены. Это письмо тамошнего общества вольных карабинеров к Гарибальди и его ответ в Сиену, где, как мы видели выше, Мечников играл руководящую роль в комитете за объединение Италии.

¹⁴ Россия и Италия. М, 1968. С. 182.

¹⁵ Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные материалы. Саратов, 1939. С. 72.

¹⁶ Современная летопись, 1862, № 10. С. 8–9.

¹⁷ Там же. С. 4–5.

¹⁸ См. совр. переиздание очерка в: Мечников Л. И. Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах. СПб.: Алтейя, 2017. С. 147–191.

¹⁹ Современник, 1862, март. С. 41.

²⁰ Современная летопись, 1862, № 11. С. 23.

Таким образом, нельзя исключать причастность гарибальдийца к этой переписке, выразившей и его взгляды на дело освобождения Италии. Сиенцы писали генералу:

Мы уже устроили Общество карабинеров по образцу, одобренному вами для Генуэзского батальона, и скоро будем готовы идти туда, куда вы призовете нас на славные победы, на защиту отечества. Но чтобы не поступить как-либо несогласно с вашими видами мы просим вас стать действительным председателем нашего общества, которому этим вы придадите новую силу и значение²¹.

Чего бы ни касался в своих тосканских статьях Мечников, в них неизменно фигурирует имя Гарибальди. Для него Гарибальди – нечто большее, чем действующее лицо текущих событий. В определенном смысле журналистские описания Мечникова – продолжение «Записок гарибальдийца», где он стремился показать в Гарибальди не просто человека, блестяще владеющего военным делом, но и олицетворяющего надежды и волю народа. Понять феномен Гарибальди он пытается и в упомянутом очерке «Капрера» в связи с появлением генерала в Генуе и его выступлениями в зале им. Паганини. Он делает вывод:

Гарибальди во всем мало похож на обыкновенных смертных; в особенности красноречие его очень мало имеет общего с витийством лучших здешних ораторов, очень еще привязанных ко всяким фьоритурам, неожиданным эффектам и неумеренной жестикуляции. Особенности Гарибальди, уметь очень определенно высказать многое в немногих словах простым, разговорным, но чистым итальянским языком, говорить которым здесь имеют очень немногие и которым никто не пишет²².

Мечникова-журналиста интересует в Гарибальди всё – его манеры и внешность, быт и взаимоотношения с окружающими и конечно ставший легендарным остров Капрера, с тех пор как там поселился прославленный герой. «Теперь, – пишет он о Капрере, – глаза всех обращены на нее, вся Италия у нее ждет решения своей участи. Всё, что есть в Италии смело думающего, горячо преданного благу родины, отправляется на поклонение в Капреру, как правоверные в Мекку»²³. И автор этих слов представляет панораму острова, его неказистой природы, описывает дом Гарибальди. В очерке мы не находим прямых признаков авторского присутствия на этой земле. Но сама манера описаний свидетельствует, что их представил человек, лично посетивший остров и хорошо знакомый с сельской жизнью. Иначе невозможно объяснить «украинское» сравнение, которое он использовал, детализируя капрерский пейзаж: «Стада волов пасутся на небольшом луге, с совершенно такой же тупой и хорошо всем известной физиономией, как и сотоварищи их в малороссийских степях»²⁴.

Разумеется, для Мечникова посещение Капреры было вызвано не туристским любопытством, а скорее всего подготовкой генуэзского конгресса комитетов за объединение Италии. Капрерские впечатления дали возможность ему расширить представления о знаменитом обитателе острова. «Гарибальди, – делился Мечников своими размышлениями, – так мало жил личной жизнью частного человека, что в Италии думают, будто у него нет и не было никогда потребности в ней. А между тем многое в нем заставляет предполагать, что он приносит тяжелые жертвы своим убеждениям, когда решался проводить всю свою жизнь то на военных кораблях, то на полях сражений». Его любимое занятие – мирный сельский труд, а его скромность несоизмерима с подвигами, совершенными им. Вспоминая ноябрь 1860 г., Мечников

²¹ Там же. С. 24.

²² Современник, 1862, март. С. 41.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же. С. 3.

пишет: «Сложив с себя все чины и форменные отличия, распустив свое войско, Гарибальди остался всё же тем, чем был прежде, то есть главою и центром итальянского движения, выступившего теперь в совершенно иной форме своего развития»²⁵.

То, что Мечников называл новой формой итальянского движения, продемонстрировал в Генуе съезд сторонников Гарибальди, ставший отправной точкой также и для дальнейшей деятельности волонтера-гарибальдийца. Он объезжает разные местности Тосканы, о чем можно судить по его статьям. В майской книжке журнала «Современник» за 1862 г. появились его путевые заметки, собранные под общим названием «Этрурия» и подписанные псевдонимом *Леон Бранди*.

Вся поездка Мечникова, пролежавшая через Вольтерру, Монтекатини, Помаранче, Лардерелло, проходила под знаком имени Гарибальди. Их историко-географические описания автор сопровождал отчетом о своих встречах и беседах с местными жителями. Среди них он находит тех, кто как и он, сражался в 1860 г. против неаполитанских Бурбонов. В Вольтерре стал свидетелем того, как, услышав звуки оркестра, скотоводы, пришедшие из Мареммы, дружным хором запели вдруг гимн Гарибальди, а музыканты подхватили его мотив. Из разговоров с рабочими медного рудника Мечников выясняет, что отсюда приверженцы Гарибальди уходили добровольцами в его армию. А о господствующим среди населения настроениям автору путевых заметок постоянно напоминали стены домов, испещренные «патриотическими надписями»²⁶. Там же на древней земле Этрурии, Лев Мечников познакомился с человеком, спасшим Гарибальди от австрийских оккупантов в драматические дни после падения Римской республики в 1849 г. Имя его – Джироламо Мартини, воспоминаниями которого завершаются путевые заметки.

Еще об одной поездке Мечникова узнаем из его «Писем о тосканских Мареммах», опубликованных в упомянутом «Современнике» и переизданных в данном томе. Она также была обусловлена подготовкой гарибальдийцев к новым походам. В г. Масса Мечников провел время в обществе вольных карабинеров, председателем которого оказался его сослуживец по Южной армии в боях под Капуей в 1860 г. В «Письмах» называется его имя – Аполлониио. На встрече с вольными карабинерами Мечников увидел и других знакомых по гарибальдийской армии. «Вся эта молодежь, – сообщал он, – требовала, чтобы ее непременно вели на австрийскую границу, где, по носившимся тогда слухам, Гарибальди снова собирал волонтеров». И далее цитировал их заявление: «Довольно уже мы парадировали в саду да стреляли в цель. Или пусть распустят общество, или ведут нас к Гарибальди»²⁷.

Нетерпение, которое проявляли сторонники Гарибальди, уже в мае 1862 г. обернулось столкновением между ними и правительственными войсками в Брешии, преградившими путь волонтерам в Венецианскую область. В Сиене эти события отозвались репрессивными мерами властей против Мечникова. В попавшем в руки российской полиции письме от 12 июня 1862 г., отправленном из Сиены в Петербург на имя Н. Чернышевского, он так характеризовал свое положение: «Дело мое по поводу Брешии окончилось, хотя и не так худо, как можно было ожидать, судя по самовластию здешних префектов и министерских чиновников с эмигрантами; тем не менее тоже положение очень дурно. У меня отобрали редакцию “Flagello”, и для личной безопасности я должен уехать из Италии, где не могу жить, не действуя»²⁸.

Обратим внимание на последние слова письма, подтверждающие, что Лев Мечников не представлял своей жизни в Италии без участия в ее национальном движении. Хотя после мая месяца над ним сгустились тучи, он не уехал из страны. Но Сиену пришлось покинуть. На

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Современник, 1862, май. С. 183, 190.

²⁷ Современник, 1862, июль. С. 72.

²⁸ Процесс Н. Г. Чернышевского. Указ. соч. С. 65.

некоторое время гонимый эмигрант переселяется в Ливорно. Отсюда 20 июня он адресует в редакцию «Современника» первую часть своего биографического повествования о Джузеппе Мадзини²⁹. Этот очерк, однако, не увидел свет в связи с арестом российской полицией редактора журнала Н. Чернышевского.

В Ливорно была также написана статья «Аспромонте», обозначенная в конце текста датой – 18 ноября 1862 г.³⁰ Прежде чем взяться за эту взволновавшую Европу тему, Мечников задавал себе вопрос: сможет ли он, чьи «существенные жизненные интересы тесно связаны с закончившейся при Аспромонте драмой, относиться к ней с тем холодным беспристрастием историка, какое необходимо в подобном случае?» Иного пути, был его вывод, для него не существует, чтобы восстановить истинный ход событий в виду попыток проправительственной прессы очернить Гарибальди. «Для этого, – признавался Мечников, – приходилось анатомизировать многое мне слишком близкое, приходилось забывать, во имя более или менее холодных принципов, многие слишком горячие привязанности»³¹.

Такой подход позволил автору представить аргументированный исследовательский труд, составленный на основе документальных материалов и проверенных свидетельств гарибальдийцев и правительственных чиновников, показать, что появление Гарибальди в 1862 г. в Сицилии и Калабрии с планом похода на Рим отвечало настроениям разных слоев населения. Массы горожан и крестьян ждали от Гарибальди «скорого по возможности и честного решения всех волнующих Италию вопросов»³².

Приверженность Мечникова гарибальдийскому движению определила его позицию к политическому течению, которое представляли умеренные. Она нашла отражение в его довольно объемистой работе, написанной в преддверии высадки Гарибальди в Палермо и сражения на Аспромонте и опубликованной в апрельском номере «Современника» за 1862 г. под названием «Последний венецианский дож», где шла речь о Даниеле Манине³³. Автор считал важным на материале недавней истории дать анализ сложного пути к объединенной Италии. Отмечая заслуги главы Венецианской республики в революции 1848–1849 гг., Мечников обращал внимание на эволюцию его взглядов: «Манин первый составил проект того здания, которое создал Кавур (у Манина оно было только на бумаге) и которое теперь благословляет оба эти имени, которым оно обязано своим существованием. Здание это – теперешняя конституционная Италия, опирающаяся на национальную гвардию, на избирательный ценз, на пушки-cavalli³⁴ регулярной армии и на пьемонтских карабинеров с либеральными бородками». И далее автор подводил итог: «Многие великодушно хотели приписать и Гарибальди долю участия в этом сооружении. Они ошибаются: Гарибальди никогда не был сотрудником Маниных и Кавуров – он трудится и теперь, но над другим великим предприятием»³⁵.

Тоскана, где Лев Мечников сформировался как политик и публицист, также пробудила в нем талант беллетриста (повесть «Смелый шаг», 1863 г.) и литературного критика («Заметки о новой итальянской литературе», «Современные итальянские поэты. Джузеппе Джустини», «Франческо Доменико Гверрацци», 1863–1864 гг.). Эти произведения печатались в петербургских журналах «Современник» и «Русское слово» и теперь переизданы в новой трилогии издательства «Алетейя». В них высказывалась высокая оценка творчеству Гверрацци,

²⁹ Там же. С. 64.

³⁰ Современное переиздание очерка см.: Мечников Л. И. Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах. СПб.: Алетейя, 2017. С. 192–216.

³¹ Современник, 1863, июнь. С. 285.

³² Там же. С. 286.

³³ Этот очерк открывает второй том трилогии, подготовленной Р. Ризалита и М. Талалаем (СПб.: Алетейя, 2017), дав название всему тому.

³⁴ Пушки Кавалли, называемые так по фамилии ее изобретателя, савойского офицера Дж. Кавалли. – *Прим. ред.*

³⁵ Современник, 1862, апрель. С. 245–246.

Леопарди, Джусти как идейному оружию борцов Рисорджименто. Особое значение Мечников придавал историческому роману Гверрацци «Осада Флоренции», ставшему, по его мнению, «для итальянской молодежи школой, в которой образовалась марсальская Тысяча»³⁶.

Важным условием успешного «делания» Италии Лев Мечников считал также международное сотрудничество демократических сил. Эту мысль он хотел донести и до Н. Г. Чернышевского в письме из Сиены 12 июля 1862 г. Предлагая для его журнала «Современник» серию статей об Италии, он указывал на их общий лейтмотив: «Италия должна возродиться, сродниться с новым элементом – славянским и начать с ним универсальный союз»³⁷. Заметим: Мечников не выделяет здесь какую-либо одну национальность, речь идет о славянстве в целом. И в этом вопросе он выступает в русле тех принципов, которые, в частности, провозглашал в своих «Славянских письмах» Джузеппе Мадзини еще в 1857 г. и которых придерживался в своих сношениях с зарубежными революционерами Джузеппе Гарибальди.

Сам Мечников не ограничивается популяризацией идей итало-славянского сотрудничества. Он прилагает усилия к практическому налаживанию таких связей как внутри Италии, так и за ее пределами. Среди его соратников в этой работе – И. И. Прянишников, служивший, как и он, в гарибальдийском войске. К сожалению, об этом волонтере имеются лишь отрывочные сведения. Наиболее раннее документальное подтверждение о его пребывании во Флоренции нами найдено в хронике официальной газеты «*Monitore Toscano*» («Тосканский монитор»), сообщавшей о его выезде отсюда по каким-то делам в Ливорно 14 июня 1861 г.³⁸ Известно также, что из Италии Прянишников ездил на Балканы для участия в 1862 г. в антитурецкой борьбе черногорцев, которую поддерживал Гарибальди. Во Флоренции, по свидетельствам современников, Прянишников и Мечников часто появлялись неразлучной парой на разных встречах и собраниях³⁹.

В Россию связи Мечникова простирались через приезжавших из нее литераторов и других лиц. В 1861 г. Италию посетил один из протагонистов демократического движения в России, соредaktor журнала «Современник» Н. А. Добролюбов, активно интересовавшийся итальянской политической жизнью и посвятивший ей ряд своих статей. Согласно хронике газеты «*Monitore Toscano*», 5 февраля 1861 г. он приехал во Флоренцию из Ливорно и, остановившись в гостинице «Европа», находился здесь 15 дней⁴⁰.

Публичная информация о прибытии во Флоренцию столь известного в литературном мире России деятеля не могла пройти без внимания Льва Мечникова, проживавшего в это время в городе («*Monitore Toscano*» сообщал, что Мечников выезжал отсюда в Ливорно лишь 28 февраля⁴¹). Всё это дает основание полагать, что он встречался с Добролюбовым и, возможно, через него установил письменную связь с Чернышевским, который и начал публиковать очерки гарибальдийца в «Современнике». Пребывание во Флоренции отставного русского офицера Алексея фон Фрикена, который находился в Италии с 1860 г. и знал Мечникова, подтверждает это предположение. Указывая на свои встречи с фон Фрикеном, Добролюбов в

³⁶ Современник, 1864, май. С. 198.

³⁷ Процесс Н. Г. Чернышевского. Указ. соч. С. 65.

³⁸ *Monitore Toscano*, 23 giugno 1861, № 168.

³⁹ Иван Петрович Прянишников (1841–1909) – русский гарибальдиец, также, как и Мечников совершивший поход в Южную Италию 1860 г.; в 1862 г. принял участие в черногорско-турецкой войне. После войны вернулся в Россию, работал телеграфистом, преподавал рисование в гимназии, одновременно выучился на мастера по слесарной и токарной части, а затем уехал в США, где работал на строительстве железных дорог, писал корреспонденции в газеты, рисовал картины из американской жизни. Отправленный корреспондентом в Париж, там и остался. Затем обосновался в Провансе, где и жил до конца жизни. Известность в мире живописи ему принесли батальные и бытовые картины с неперенным участием в сюжетах лошадей, которых он рисовал мастерски. Последняя его встреча с Мечниковым состоялась в 1881 году в Париже. Впечатления о ней отчасти использованы Мечниковым в повести «На всемирном поприще» (1882). – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁴⁰ Там же, 9 febbraio 1861, № 37.

⁴¹ Там же, 9 marzo 1861, № 60.

письме к Чернышевскому писал в мае 1861 г.: «В Италии он был мне действительно полезен своими знакомствами»⁴².

В это же время Флоренцию посетили историк литературы А. Н. Веселовский, публицисты Н. Ф. Щербина и В. Д. Скарятин⁴³ – корреспонденты популярного московского еженедельника «Современная летопись», автором которой с июля 1861 г. стал и Лев Мечников. Не все они сходились в своих оценках происходящего в Италии. Если Веселовский с симпатией воспринимал движение за объединение страны во главе с Гарибальди, то иные акценты в своих статьях делал Скарятин, выражавший неприязнь к «мадзинизму», подразумевая под этим деятельность Монтанелли, Дольфи и самого Гарибальди.

В августе 1861 г. во Флоренцию возвратился пенсионер Петербургской академии художеств Николай Ге. Его квартира находилась в доме на пьядже Индипенденца (площади Независимости), где он начал работу над картиной «Тайная вечеря», получившей впоследствии большой общественный резонанс своим созвучием с проблемами современности. У флорентийцев квартира Н. Н. Ге получила название «голубой гостиной» за цвет интерьера ее комнат. Здесь регулярно собирались представители местной интеллигенции и приезжие из разных стран.

Колоритную фигуру этого общества представлял зять хозяина «голубой гостиной» скульптор Пармен Забелло, покинувший Россию еще в 1850-х гг. и поселившийся во Флоренции. Мечников, равнодушный к искусству вообще, хорошо знал его и, вспоминая свое пребывание в городе тех лет, отмечал, что «из постоянных жителей Флоренции более всех выделялся скульптор З[абелл]о, один из красивейших представителей малороссийского чумацкого⁴⁴ типа. [...] З[абелл]о много читал, преимущественно Прудона и Герцена, и умел хорошо переваривать прочитанное»⁴⁵. Скульптор был в близких отношениях Михаилом Бакуниным, а также с флорентийским народным вожаком Джузеппе Дольфи, образ которого запечатлел на портрете.

Другой пенсионер Петербургской академии художеств, Григорий Мясоедов, также избравший вслед за Н. Н. Ге местом своих занятий Флоренцию, оставил описание характерных для «голубой гостиной» встреч:

У Николая Николаевича Ге собиралось много весьма разнообразного народу. Тут были русские, жившие во Флоренции с давних пор, вновь приезжающие и проезжающие, тут же попадались итальянцы, французы и другие национальности. [...] В темах для разговоров недостатка не было. Политическая жизнь Италии, в это время бившая ключом, не могла не увлечь русскую колонию, а потому у Ге, после искусства, всего более говорилось о политике. Господствующий тон был тон крайнего либерализма, подбитого философией и моралью. Спорили много, спорили с пеной у рта, не жалели ни слов, ни порицаний, ни восторгов...⁴⁶

Мясоедов называл имена некоторых участников вечеров. Это – члены семьи издателя газеты «Колокол» в Лондоне Александра Герцена, среди них его сын – Александр Александрович Герцен, помогавший отцу в его связях с демократами Италии и других стран, упоминавшийся выше П. П. Забелло, публицист-эмигрант, критик российского самодержавия князь П. В. Долгоруков⁴⁷, участник французской революции 1848 г. И. Доманже, писатель профессор

⁴² Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. М.-Л., 1964. Т. 9. С. 471. [Об Алексее Федоровиче фон Фрикене см.: Рыхляков В. Н. Род фон Фрикенов в России. М.: Лебедушка, 2012 (о его связях с Чернышевским – на стр. 154). – *Прим. ред.*]

⁴³ Владимир Дмитриевич Скарятин (1825–1900) – морской офицер, затем золотопромышленник в Сибири. Редактор и владелец газеты «Весть». Его жена, Ольга Ростиславовна, ур. Столбовская, впоследствии стала женой Льва Мечникова. – *Прим. ред.*

⁴⁴ Чумаки – возчик-торговец на волах.

⁴⁵ Исторический вестник, 1897, № 3. С. 817.

⁴⁶ Мясоедов Г. Г. Письма, документы, воспоминания. М, 1972. С. 171–172.

⁴⁷ Петр Владимирович Долгоруков, князь (1816–1868) – историк, публицист, эмигрант с 1859 г. Хорошо знавший всю

Анджело Де Губернатис, Л. И. Мечников и др. Особенно много было «иностранцев», имена которых спустя десятилетия Мясоедов не мог припомнить.

Собрания на квартире Ге носили характер жарких дискуссий по поводу событий в Италии и за рубежом. В 1863 г. в центре внимания было польское восстание, взбудоражившее Европу и вызвавшее движение в Италии в защиту поляков. Сам Гарибальди намеревался ехать на помощь повстанцам. Об этом свидетельствует его рассказ, записанный Бакуниным сразу после посещения Капреры в январе 1864 г.:

За последнее время мне жизнь надоела; я охотно расстался бы с нею, но я хотел бы умереть с пользой для моего отечества и для свободы всех народов. Я собирался поехать в Польшу, но поляки просили меня передать, что я буду там бесполезен, а мой переезд принесет больше вреда, чем пользы, поэтому я воздержался. Впрочем, я и сам полагаю, что здесь я буду для них полезнее, чем там. Если мы сделаем что-нибудь в Италии, то это будет выгодно и для Польши, которая ныне, как и всегда, пользуется всем моим сочувствием⁴⁸.

О движении солидарности с Польшей вспоминал и Г. Г. Мясоедов: «Флоренция [...] была, разумеется, на стороне угнетенных поляков⁴⁹. Многие из проживавших там русских делили их симпатию. Помню, что Николай Николаевич [Ге] был за поляков, горячо их защищал»⁵⁰.

Во Флоренции был создан комитет помощи Польши, куда вошли, наряду с другими, Дж. Дольфи и Л. Мечников. С целью организации широкой поддержки польских патриотов оба обратились в начале 1863 г. с письмами в Лондон к Герцену. 3-го марта того же года на площади Индипенденца прошла манифестация в защиту независимости Польши, на которой с речью выступил Лев Мечников. После этого Герцен поместил в «Колоколе» его письмо, в котором от имени эмигрантов из России выражался протест «против ложно патриотических чувств, заявляемых официальной Россией по поводу польского восстания» и высказывалось «живейшее сочувствие благородным деятелям польской независимости»⁵¹.

В Петербурге же после этого была составлена официальная реплика, с которой могла знакомиться лишь правящая верхушка империи. В конфиденциальном документе – «Морально-политический обзор» за 1863 г. в разделе «Революционная деятельность русских выходцев» – шеф III отделения докладывал: «Мечников, служивший прежде в отряде Гарибальди адъютантом генерала Мильбица, живет обыкновенно в Ливорно, но в начале года переселился во Флоренцию и на митингах в пользу Польши неоднократно говорил речи, направленные против русского правительства»⁵².

Переезд Мечникова из Ливорно в столицу Тосканы во многом был связан с формированием здесь зарубежного центра общероссийского нелегального общества «Земля и Воля». В 1863 г. во Флоренции появляются его активные члены и сторонники, среди них А. Ф. Стюарт⁵³, Н. Д. Ножин⁵⁴, Н. С. Курочкин⁵⁵, с которыми Мечников поддерживает контакты.

подноготную русского высшего общества, он за границей публиковал разоблачительные заметки о тайных пружинах власти в России – протекционизме, родственных связях и кумовстве, преобладающих над способностями. За это был лишен титула и получил запрет на возвращение в Россию. Те памфлеты, которые Долгоруков писал по-французски, Мечников переводил на русский для публикаций. – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁴⁸ Летописи марксизма, 1927. Кн. III. С. 91.

⁴⁹ Широкий резонанс во Флоренции, да и во всей Италии и даже в Европе, вызвала гибель тосканца Станислао Бекки, отправившегося в Польшу на помощь инсургентам, попавшего в плен и казненного царскими войсками (17 дек. 1863 г.). Во дворе флорентийской базилики Санта Кроче водружен в его память мемориальный барельеф со сценой казни. – *Прим. ред.*

⁵⁰ Мясоедов Г. Г. Указ. соч. С. 171.

⁵¹ Колокол, 1863, 1 сентября. С. 1397.

⁵² Красный архив, 1923. Т. 3. С. 206.

⁵³ Александр Федорович Стюарт (1842–1917) – русский естествоиспытатель, общественный деятель. Мечников в своей мемуарной заметке «Бакунин в Италии в 1864 году» упоминает о нем под инициалами А. Ф. С.; см.: Мечников Л. И. Последний

Важным звеном в расширении международной деятельности Льва Мечникова стала в конце мая 1863 г. его конспиративная поездка в Лондон для встречи с А. Герценом. Из-за отсутствия каких-либо документов мы можем судить о содержании переговоров лишь косвенно. Но вполне очевидно, речь могла идти там о вопросах, связанных с тогдашней международной проблемой – польским восстанием, а также о сотрудничестве между демократами разных стран. В связи с этим следует указать на обнаруженную среди принадлежавших Мечникову бумаг запись от 1 июня 1863 г. на визитной карточке Герцена, сделанную рукой последнего для Маурицио Квадрио. В ней издатель «Колокола», называя Мечникова «другом», просил через него прислать адрес «Жозефа» – Мадзини, находившегося в то время в Швейцарии⁵⁶.

Осенью 1863 г. Лев Мечников попал под тайный надзор итальянской полиции в связи с приездом во Флоренцию представительницы династии Романовых – великой княгини Марии Николаевны⁵⁷.

3 ноября префект Флоренции издал распоряжение:

В Комиссию по общественному надзору при префектуре Считаю нужным заявить, что некий Мечников [Mechnikoff], российско-подданный, проявил намерение устроить покушение на Е. И. В. Великую княгиню Марию Российскую, разместившуюся со своей свитой в сем городе в гостинице «Le Ville» на пьядце Манин.

Означенной комиссии надлежит произвести расследование относительно названного индивидуума, сообщить о необходимости внимания к нему со стороны квартального уполномоченного и о старательном наблюдении. Об изъянах и других особых приметах, о которых сама комиссия соберет сведения и передаст уполномоченному, можем заранее сообщить, что Мечников – хромым⁵⁸.

В тот же день префектура издала приказ, чтобы полиция района Санта Мария Новелла организовала наблюдение и охрану территории вокруг гостиницы «Le Ville», поскольку «некий Мечников, российско-подданный, вероятно, предложил совершить покушение на Великую княгиню, к которой ему не будет сложно представиться». Далее говорилось, что «особые приметы» Мечникова собираются «агентами общественной безопасности, которым поручена данная служба, а также дело изгнания из сего города означенного Мечникова [Machnicoff]»⁵⁹.

В деле префектуры о Мечникове сохранился секретный «специальный рапорт» от 11 ноября 1863 г. с биографическими данными и «особыми приметами». Вот полный текст этого

венецианский дож... (2017). С. 303. – *Прим. ред.*

⁵⁴ Николай Дмитриевич Ножин (1841–1866) – биолог-дарвинист, революционный демократ. По возвращении в Россию – один из руководителей народнического движения. О Ножине и, в особенности, о его дискуссиях с Бакуниным Л. Мечников писал в заметке «Бакунин в Италии в 1864 году»; см.: Мечников Л. И. Последний венецианский дож... С. 302–304, 308. – *Прим. ред.*

⁵⁵ Николай Степанович Курочкин (1830–1884) – поэт, публицист. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. служил врачом в осажденном Севастополе. Вместе с Мечниковым в 1858 г. служил в миссии генерала Б. П. Мансурова на Ближнем Востоке. См. об этой миссии: Письма Б. П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М.: Индрик, 2014. – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁵⁶ Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 102.

⁵⁷ О пребывании дочери Николая I во Флоренции см.: Талалай М. Г. Великая княгиня Мария Николаевна и ее дворец-музей «Вилла Кварто» во Флоренции // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. СПб: Европейский дом, 2015. С. 408–419.

⁵⁸ Archivio di Stato di Firenze. Prefettura di Firenze, 1863, filza 143, affari governativi, № 3211, ordine di servizio, 3 novembre 1863. Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Флоренции за помощь в поисках документов о Льве Мечникове. [Пер. с итал. здесь и далее – М. Г. Талалай. Оригинал на итальянском опубликован в послесловии Н. Н. Варварцева в: Мечников Л. I. Memorie di un garibaldino russo. Moncalieri: CIRVI, 2008. P. 55–56.]

⁵⁹ Там же. Granduchessa di Russia, 3 novembre 1863, Firenze.

документа, представляющего полицейскую характеристику деятельности Мечникова во Флоренции и его политических взглядов:

Российско-подданный инженер Лев Мечников находится во Флоренции с 1860 года и в настоящее время проживает вместе с женой и сыном⁶⁰ в доходном доме Винченцо Страттези на виа Паникале № 39, входящей в квартал государственной администрации Санта Мария Новелла.

Был офицером у Гарибальди во время кампаний на Итальянском Юге, и принадлежа к радикальной партии участвовал в демократическом митинге, состоявшемся на площади Индипенденца в защиту Польши, где выступил с соответствующей речью.

Его поведение – тихое и спокойное, и даже в сии дни не проявил никакого раздражения по поводу присутствия во Флоренции Е. И. В. Великой княгини Марии Российской, более того, согласно специальному за ним надзору, установленному третьего числа, выяснено, что, кроме пренебрежительного о ней устного отзыва, у него при возможной встрече с указанной принцессой нет никакого намерения нанести ей ущерб.

Продолжая надзор за указанным Мечниковым, я передал в государственную администрацию Санта Мария Новелла его особые приметы, которые таковы:

Возраст – около 35 лет⁶¹.

Рост – средний.

Телосложение – хрупкое.

Цвет кожи – белый.

Волосы – светлые.

Брови – такие же.

Борода – во всё лицо, но редкая.

Нос – регулярный.

Рот – средний.

Лицо – худощавое.

Носит белые очки⁶², белую соломенную шляпу. Одевается посредственно. Хрошает на правую ногу⁶³.

Слежка за Мечниковым, как явствует из приведенного выше рапорта, ни в чем не подтвердила предположений о нем как заговорщике, готовившим покушение на высокую персону. Да иначе не могло быть: вся политическая деятельность гарибальдийца-демократа ничего общего не имела с идеологией экстремизма и тактикой террористических методов.

Тайные действия флорентийской полиции по отношению к Мечникову совпали с приездом в Италию Герцена. Во Флоренции он остановился в Hotel American на улице Vigna Nuova, где и проживал с 4 по 22 ноября. Своей миссией на полуостров издатель «Колокола» намеревался укрепить связи с действовавшим в России обществом «Земля и Воля», которое в своем организационном построении и пропаганде ориентировалось на итальянскую Партию действия. В памятной записке, составленной Н. П. Огаревым для поездки Герцена в Италию, особое внимание акцентировалось на взаимодействии между эмигрантами и их единомышленниками в России в деле распространения информационно-пропагандистских материалов⁶⁴.

⁶⁰ Ошибка в донесении; у Мечниковых была дочь.

⁶¹ Ошибка в донесении; Мечникову было 25 лет.

⁶² Вероятно, имелась ввиду оправка из светлого металла (не из золота).

⁶³ Там же. Rapportospeciale, 11 novembre 1863.

⁶⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М, 1956. Т. 2. С. 125–126.

Не случайно во флорентийском окружении Герцена самой заметной фигурой стал Лев Мечников, обладавший широкими политическими связями в городе. Все лица, с которыми встречается здесь Герцен, – это знакомые бывшего гарибальдийского офицера. Среди них – представители «Земли и Воли» А. Ф. Стурт, А. фон Фрикен, Н. Д. Ножин, венгерский эмигрант Ф. Пульский, А. Марио и его жена-англичанка Дж. Уайт. Здесь же происходит знакомство Герцена с Дж. Дольфи, с которым тесно сотрудничал Мечников. После этой встречи редактор «Колокола» с нескрываемым восхищением писал в Лондон: «Дольфи – молодец, Чичероваккио заткнул за пояс. Мужчина с Бак[унина] ростом, с лицом античной статуи, выражающим несокрушимую волю и энергию, у него мускулы не повисли. Настоящий трибун – и очень умен»⁶⁵. 11 ноября с участием Мечникова состоялся торжественный обед, устроенный в честь Герцена, где провозглашались тосты за общество «Земля и Воля» и в память погибшего за свободу Польши одного из руководителей Комитета русских офицеров в Польше Андрея Потевни⁶⁶.

Встречи и беседы Герцена во Флоренции убедили его в необходимости публично высказаться по вопросам о Польше и России, к которым было приковано внимание итальянской общественности. Свои мысли он решил изложить в виде обращения к авторитетнейшему представителю демократической Италии и «мужу народов» других стран. Так появилось «Письмо к Гарибальди», где давались оценки положению революционных организаций в России, героизму польских повстанцев, а также их ошибкам в аграрном и национальном вопросах. Высылая уверенность в торжестве свободы польского и других народов, Герцен связывал его с именем и деятельностью своего адресата. Имея в виду происходившие недавно события, он писал: «В Украине, в Польше, в Сербии народ ждал Гарибальди»⁶⁷.

История этого документа, важного для налаживания взаимопонимания между демократами Италии, России и Польши, заслуживает более подробного рассказа в связи с неизвестными до сих пор обстоятельствами его появления. «Письмо», обозначенное авторской пометкой «21 ноября 1863, Флоренция», Герцен предварил замечанием о том, что хотел лично посетить Гарибальди, «но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италию раньше, чем думал, и хочу воспользоваться поездкой к вам общего друга нашего, чтоб посетить вас письменно»⁶⁸.

Кто был этот «общий друг», на которого возлагалась миссия почтальона к Гарибальди, историография долгое время не могла дать ответа. Лишь обнаружение неизвестной записки Герцена от 19 ноября 1863 г. к Дольфи приоткрыло завесу: в ней автор выражал просьбу переслать «longuelette à Garibaldi»⁶⁹ после того, как оно будет закончено⁷⁰. А в письме от 25 ноября, отправленном уже из Ливорно в Лондон, Герцен сообщал, что послание к Гарибальди готово лишь «начерно»⁷¹. Следовательно, в Ливорно Герцен продолжал работать над «Письмом», пока 27 ноября не выехал в Геную и далее в Турин и Швейцарию. Поэтому в герценоведении считается, что издатель «Колокола» отправил его Дольфи для передачи адресату между 25 и 27 ноября⁷².

Новые факты, выявленные нами в документах полицейских служб Ливорно и Флоренции, позволяют внести коррективы в историю послания. 23 ноября Комиссия по общественному надзору (Commissione di pubblica vigilanza) информировала Королевскую Префектуру провин-

⁶⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1963. Т. XXVII. С. 376.

⁶⁶ Там же. С. 377.

⁶⁷ Там же. Указ. соч. Т. XVIII. С. 22.

⁶⁸ Там же. С. 21.

⁶⁹ *Фр.*: длинное письмо к Гарибальди.

⁷⁰ Литературное наследство. М., 1985. Т. 96. С. 252.

⁷¹ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XVII. С. 380.

⁷² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1859 – июнь 1864. М., 1983. С. 580.

ции Флоренции (Real prefettura della provincia di Firenze), что «издатель в Лондоне журнала “Колокол”, органа молодой России⁷³, оставил сей город, где пребывал в течении 20 дней [...] и направился в Ливорно вместе со своей семьей». Далее составитель рапорта о Герцене утверждал: «Меня уверили, что он всю неделю пробудет в сем городе Ливорно и что в следующую субботу отправиться парохомом компании “Messagerie Imperiali” в Рим»⁷⁴.

Из переписки Герцена известно, что в Ливорно он проживал в Hotel Grande Bretagne, а его окружение в этом городе составляли члены семьи. Однако секретным наблюдением ливорнской полиции было установлено еще одно лицо, находившееся здесь в сношениях с Герценом. 2 декабря префект провинции Ливорно сообщал префекту Флоренции, что А. Герцен «имел ряд бесед с гарибальдийским офицером поляком Мечниковым [Meczikof], который вечером 27-го вернется во Флоренцию»⁷⁵. Таким образом, завершение и отправка письма к Гарибальди совпали во времени со встречами Герцена с Мечниковым и отъездом последнего во Флоренцию. Это и дает ключ к объяснению, каким образом оно попало в руки Дольфи для передачи адресату – Гарибальди.

Контакты между Герценом и Мечниковым в Ливорно касались также организации нелегальной транспортировки через Италию лондонских изданий в Российскую империю. Глухое упоминание об этом Герцен позволил себе лишь в письме к своим близким в Лондон от 1 декабря 1863 г. по приезде в Женеву: «Мечников поехал в Ливурну (sic) искать сбыта, и всё расшевелилось»⁷⁶. Это подтверждает ставшее известным царским властям письмо самого Мечникова к Ножину, в котором сообщалось о его поездке в Геную и Ливорно для «устройства сообщений с Констан[инополем]»⁷⁷. Дела, которые вел Лев Мечников в Ливорно, завершились успешно, вероятно, благодаря его давним связям с местными итальянскими демократами, вызвав одобрение со стороны М. Бакунина, страстно жаждавшего активных действий против самодержавия. «Тебе, Герцен, – писал он 4 марта 1864 г. из Флоренции, – давно известно, что удалось сделать Мечникову: верная и даже безденежная доставка всего из Ливорно в Константинополь и даже в самую Одессу. Требуют только адреса в Одессе. Но где его взять? <...> придется вам требовать верного человека в Одессе от З[емли] и В[оли], если З. и В. действительность, а не призрак»⁷⁸.

В 1864 г. Мечников оказался причастным к морской экспедиции, задуманной польским Национальным правительством⁷⁹. Предусматривалось, по примеру гарибальдийской «Тысячи», провести высадку волонтеров вблизи Одессы для оказания помощи польским отрядам в западных губерниях Российской империи и одновременно поднять на восстание крестьян черноморского и соседних регионов⁸⁰.

⁷³ Вероятно, по аналогии с республиканским движением Дж. Мадзини «Молодая Италия».

⁷⁴ Archivio di Stato di Firenze. Prefettura segreta, b. 20, № 74, rapporto speciale, 23 novembre 1863.

⁷⁵ Там же. Il prefetto della provincia di Livorno al prefetto della provincia di Firenze, 2 dicembre 1863.

⁷⁶ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XXVII. С. 382.

⁷⁷ Цит. по: Рудницкая Е. Л. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 57.

⁷⁸ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 151. [Заметим, что это свидетельствует о том, что канал доставки литературы в Россию Мечников организовал, но использован этот канал не был. – Прим. В. И. Евдокимова.]

⁷⁹ Руководство Польским восстанием осуществлялось из двух центров: «Жонд народовой» – «белые», крупная и средняя шляхта и «Центральный национальный комитет» – «красные», демократы. В 1863 г. Жонд народовой организовал закончившуюся неудачей морскую экспедицию на Балтике. В 1864 г. Национальный комитет пытался повторить морскую экспедицию уже в Средиземном и Черном морях. — Прим. В. И. Евдокимова.

⁸⁰ Целью морской экспедиции польского Национального комитета в 1864 г. было втянуть в польское восстание европейские державы, в первую очередь Францию и Великобританию; те же рассматривали польское восстание как внутреннее дело России. Для этого предполагалось снарядить парохом под польским флагом, напасть на русское судно и тем самым перевести внутренние события в международные, чем и дать повод европейским державам присоединиться к восстанию на польской стороне и оказать ему помощь. В том случае, если действия польского парохом по захвату русского будут успешными, предполагалось затем идти в Северном Причерноморье с тем, чтобы организовать волнения уже там. — Прим. В. И. Евдокимова.

Предприятие, для которого много усилий приложили эмигранты и итальянцы-гарибальдийцы, прервалось в самый разгар его организации. Пароход, вышедший из Лондона, «за неимением бумаг», задержали в Гибралтаре британские же власти, а найденный взамен участниками экспедиции другой пароход оказался по своим мореходным качествам не пригодным для столь опасного рейса к одесским берегам⁸¹.

В 1864 г. Мечников переезжает на жительство в Геную, потом в Милан, а в декабре – в Швейцарию. Он поселяется в Женеве, где продолжает политическую и публицистическую деятельность в составе «молодой эмиграции» из России⁸². Жизнь в другой стране с ее новыми заботами не могла, однако, вытеснить из его сознания образы «делающей себя» Италии. Он неизменно обращается к опыту лет, овеянных именем «героя двух миров», под чьим руководством служил Италии и своей родине. В 1871–1872 гг. Мечников пишет серию историко-литературных статей, в которых анализирует творчество итальянских писателей, начиная с Данте, в контексте освободительной борьбы на Апеннинском полуострове. Характерны и названия, которые он дает им, напоминающие об эпохе Рисорджименто: «Политическая литература в Италии», «Литература итальянского объединения», «Гверрацци». Все они увидели свет на страницах петербургского журнала «Дело» под псевдонимом *Эмиль Денегри*, взятым литератором по имени владельца шхуны, на которой в южноамериканский период своей жизни некоторое время капитаном был Дж. Гарибальди.

Проживая в Швейцарии, Лев Мечников продолжал пользоваться репутацией последователя дела Гарибальди. Имя гарибальдийца открывало ему возможности для сотрудничества с демократами разных стран. Сохранилось свидетельство, выданное ему в октябре 1868 г. в Женеве союзом «Польский республиканский очаг» («Ognisko republikanske polskie») для поездки на Пиренейский полуостров: «Мы, – говорилось в нем, – рекомендуем гражданина Мечникова, капитана при штабе корпуса под командованием генерала Гарибальди, всем патриотам в Испании как храброго солдата и защитника свободы и независимости народов»⁸³.

Школа гарибальдийского служения идеалам свободы стала путеводной нитью всей его деятельности.

Лев Ильич Мечников ушел из жизни 30 июня 1888 г., в Кларане (Швейцария), где и был похоронен⁸⁴. Друзья, коллеги и ценители его работ в разных странах восприняли эту смерть как тяжелую утрату для дела науки и прогресса человечества. Память его почтили и в Италии, не забывшей своего отважного гарибальдийца, – на собраниях и в откликах периодической печати. Характерное для современников мнение выразил некролог, помещенный в женевском сборнике «Социал-демократ»:

Постоянный, неуспянный труд составлял всё содержание его жизни. Но трудолюбие Льва Мечникова отличалось той особенностью, что оно, как мы видели, нисколько не заглушало в нем живого интереса ко всем жгучим вопросам его времени. Лев Ильич был не только ученым; он был творцом, который умел с оружием в руках отстаивать дело свободы [...] Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, было бы совсем непростительно⁸⁵.

⁸¹ Как писал Мечников в статье «Бакунин в Италии...»: «Пришедший пароход, на легкости и скорости хода которого покоилось все это предприятие, оказался никуда не годною ладьей, которую и на буксире тащить можно было не иначе, как с опаскою; см.: Мечников Л. И. Последний венецианский дож... (2017). С. 318. – *Прим. ред.*

⁸² В Швейцарии (сначала в Женеве, а с 1881 г. – близ Монтрё, в селе Кларан) Мечников прожил с конца 1864 до 1888 г. с перерывом на пребывание в Японии в 1874–1876 гг. Из Швейцарии он совершал многочисленные поездки по Европе (в том числе, в Италию), в Северную Африку и Америку. – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁸³ Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 463.

⁸⁴ Номер захоронения – 2836, однако могила была впоследствии упразднена. – *Прим. ред.*

⁸⁵ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. 7. С. 331.

И сегодня о нем напоминают нам его многочисленные труды, почетное место среди которых занимают работы, посвященные Италии времен великой эпохи Рисорджименто.

Н. Н. Варварцев, Национальная Академия наук Украины, Институт истории Украины, Киев, ноябрь-декабрь 2017 г.

Неаполь и Тоскана

Физиономии итальянских земель

Часть 1

Неаполь и Тоскана

Наступил ли для Тосканы реакционный период давно желанного отдыха и спокойствия, как необходимое последствие лихорадочной деятельности, или просто невыносимая летняя жара причина того застоя, которая ясно чувствуется теперь во всем?

Вопрос этот решит осень. Но невольно спрашиваешь себя, куда скрывалась эта жизнь, это почти болезненное раздражение, которое проникало повсюду, придавало интерес самым ничтожным фактам.

Периодические издания Тосканы носят на себе весьма сильный отпечаток этой метаморфозы. Не говоря уже об отделе политических известий – они обуславливаются независимыми от редакций обстоятельствами; но и самые *articles de fonds*⁸⁶ и корреспонденции, еще недавно дышавшие отчаянною борьбою партий, теперь уже не показывают ни желчности, ни увлечения.

Многие из партий, так недавно еще процветавших во второй силе, стусевались и сгладились, и теперь во Флоренции собственно партий нет.

Есть здесь огромное большинство, – большинство, выполнившее трудный подвиг, может быть не удовлетворившееся сделанными, но предоставляющее времени и дипломатии окончить дело, так блистательно начатое.

Большинство это составилось из двух партий: унитариев и умеренных. Со смертью Кавура умеренные взяли верх над унитариями; это свершилось мирно, без борьбы. Большинство устало. Оно готово на жертвы и на тяжелые лишения, но ему нужно залечить недавно полученные раны, и оно равно враждебно смотрит и на старых врагов своих кодинов⁸⁷, и на недавних союзников своих красных.

Газеты, называющие себя представителями умеренного образа мыслей, унижаются однако же до того, что уверяют, будто либеральные комитеты *comitati di provvedimento*⁸⁸, учрежденные Гарибальди и состоящие под его председательством, состоят на иждивении венского кабинета (Гарибальди – кондотьером у австрийского императора! Вот до каких нелепостей доходит слепое пристрастие), им, конечно, не верят читатели, как не верят им сами редакторы, но нелепые слухи здесь, как и везде, более всего имеют ход. Впрочем, как ни мелочны эти выходки, мне они не кажутся смешными: понятно, что нация, посредством сильных трудов и пожертвований выработавшая себе сколько-нибудь удовлетворяющий ее порядок, дорожит им и отстаивает его особенною горячностью и с пристрастием, ревнивым и мнительным.

В число новых учреждений, введенных здесь вслед за уничтожение автономии и вместе с пьемонтским статутом, особенно привлекает внимание публики учреждение суда присяжных, для разбора литературных преступлений.

⁸⁶ Передовицы (*фр.*) – Здесь и далее прим. М. Г. Талалая.

⁸⁷ Codino (*итал.*) – хвостик, косичка; переносно – консерватор, реакционер, ретроград, по прическе роялистов во время Великой Французской революции.

⁸⁸ Прибл. «комитеты по устройству» (*итал.*) – ячейки политически активных горожан, продвигавших процесс объединения Италии. Сам Л. Мечников в статье «Из Италии», публикуемой ниже, переводит название как «комитеты снабжения, или предусмотрительности».

В парламенте был уже возбужден вопрос о распространении этого суда на дела всякого рода во всем Итальянском королевстве, но разрешение этого вопроса отложено до заседаний будущего года.

Общественное мнение им очень занято, и брошюра г. Габелли, под заглавием: «Присяжные и Итальянское королевство» («I giurati e il Regno d'Italia»⁸⁹), возбудила сочувствие публике, хотя впрочем немного высказано в ней нового по этому предмету.

Учреждением суда присяжных для преступлений по печати, правительство выказало доверие к общественному мнению и сознание своей популярности; можно надеяться, что оно не замедлит придать этому учреждению то более обширное значение, которого требуют обстоятельства.

Несколько дней тому назад, а именно 22 текущего месяца, собралась многочисленная толпа в зале заседания Королевского Суда, *Corte Reggia*, где в этот день назначено было обсуждение процесса против журнала «Новая Европа»⁹⁰, обвиненного в оскорблении особы короля. Издание это – орган тех комитетов и братств, о которых я сейчас упоминал. Ответственный его редактор-распространитель – профессор и адвокат Монтанелли⁹¹, экс-министр 1848 г., друг Мадзини и горячий приверженец идей его, признаваемый, даже врагами, за одного из даровитейших людей Италии и за одного из лучших операторов Тосканы. На этот раз Монтанелли принял на себя защиту «Новой Европы», что придало этому делу еще большую занимательность. Прибавьте к этому наследованную итальянцами от римских плебеев страсть к зрелищам вообще и к даровым в особенности, наконец самую новизну зрелищ подобного рода, и вы легко поверите, что к 10-ти часам утра (заседание открылось в 11) нельзя было протолкнуться в огромный зал *Palazzo Vecchio*⁹², где помещается высший суд, *Corte Reggia*, соответствующий французским *Cours d'Assise*. Судьи заседали в своих средневековых костюмах. Косой гребень⁹³ в черной мантии, из-под которой проглядывали изношенные панталоны табачного цвета, разносил присяжный лист. Я не стану подробно описывать ход всего заседания; упомяну главные факты, относящиеся прямо к разбираемому процессу.

Секретарь прочел акт обвинения; всё дело было не что иное, как придирка, основанная на двусмысленной фразе. *Pubblico ministero*, то есть королевский адвокат, довольно изысканною речью успел возбудить в публике раздражение против подсудимого и его защитника, но придать большой важности самому обвинению не мог. Адвокат подсудимого был между тем в довольно затруднительном положении. Очевидно, не одно желание оправдать г. Марубини, ответственного редактора «Новой Европы», заставило его вновь надеть адвокатскую мантию. Каждый из присутствующих ясно понимал, что на этот раз присяжные судили не отдельное преступление, не частный, случайный факт, но всё направление журнала. Монтанелли в самом начале своей защитительной речи высказал это, но президент тот час же прервал его, заметив, что он здесь имеет право слова только как защитник г. Андреа Марубини, что всякое отступление, как замедляющее ход дела и сбивающее присяжных, законами запрещено, и что вследствие этого он, президент, вынужден будет лишить адвоката этого права, если тот прямо не обратится к защите подсудимого. Монтанелли возразил, что статья статута, определяющая меру наказания за оскорбление высочайшей особы короля, не характеризует вместе с тем этого

⁸⁹ Точное название книги Аристиды Габелли (Gabelli). «I giurati nel nuovo Regno Italiano secondo la Legge sull'ordinamento giudiziario e il Codice di procedura penale [Присяжные в новом Итальянском королевстве согласно закону о директивах и Кодекс уголовной процедуры]» (1860).

⁹⁰ Газета «La Nuova Europa» была основана во Флоренции в 1861 г. и закрыта в 1863 г., став на краткий период рупором радикальных последователей Гарibaldi и Мадзини; см.: Furiuzzi M. «La Nuova Europa» (1861–1863). *Democrazia e internazionalismo*. Milano: Franco Angeli, 2008.

⁹¹ Джузеппе Монтанелли (Montanelli; 1813–1862) – литератор и общественный деятель.

⁹² «Старый дворец» – флорентийская ратуша, одна из главных достопримечательностей Флоренции.

⁹³ Должностное лицо при франц. парламенте или суде, составляющее официальные отчеты, редактирующее документы и т. п.

вида преступлений, и что поэтому его, как адвоката подсудимого, прямая обязанность сделать эту характеристику, без которой невозможно доказать, существует ли именно в настоящем случае это преступление. Я не приведу вам здесь всей речи профессора Монтанелли, но расскажу в нескольких словах ее содержание. Я в первый раз слышал этого адвоката, и должен сознаться, что г. Монтанелли представляет блестящее исключение из среды своих итальянских собратьев. Он долго жил во Франции и Испании, где был знаком со всеми судебными знаменитостями тех времен, и где совершенно оставил привычку, сильно вредящую итальянским ораторам на кафедре и на театре, – привычку вычурной декламации, напыщенных фраз и бешеной жестикуляции. Монтанелли говорил просто и спокойно. Период его понятен для каждого, обыкновенный итальянский период, ясный и незапутанный латинско-германскими ухищрениями писателей распространенной здесь школы, поставившей задачей говорить и писать так, как никто не говорит по-итальянски. Лучшие здешние писатели не чужды этой странной натянутости. Опираясь на авторитет Филанджиери⁹⁴, оратор определил то юридическое воззрение, с которого должно смотреть на вышеозначенный вид преступлений; затем, цитируя Одилона Барро⁹⁵ и Альбертиновский кодекс⁹⁶, приводя множество примеров из истории французского и английского законодательства (оратор хорошо знает склонность здешней публики к аргументам этого рода), он дошел до того заключения, что в преступлениях печати – где единственное оружие слово, то есть где материальная сторона совершенно сливается с стороной нравственною – более чем во всяком случае играет роль намерение, с которым сказано слово или фраза, подавшая повод к обвинению. Переходя от общего к частному, он свел вопрос к тому, можно ли с очевидною ясностью доказать, что в приведенных в обвинительном акте нескольких строчках из парижской корреспонденции журнала «Новая Европа» заключается намерение возбудить общественное мнение против особы короля, унижить его личность в глазах народа.

«Если да, – говорил он, – если для присяжных присутствие этого намерения в вышеприведенных словах ясно, как день, то, хотя бы и можно им придать другой грамматический смысл, преступление существует и должно быть преследуемо законом. Но если доказательства этого намерения нет, то нет и самого преступления». Потом он подробно разобрал эти строки и привел слушателей к тому заключению, что в настоящем случае преступления не существует.

«Да неужели, – сказал он в заключении своей защитительной речи, – неужели можно было бы предположить намерение оскорбить народ в лице его избранника в журнале, постоянно стоящий за голос народный, за общую подачу голосов, *suffragio universale*? Неужели его можно было ожидать от органа той самой партии, которая первая внесла знамя освобождения в Ломбардию, поработленную иноземным врагом, с криком: «Единство Италии и Виктор-Эммануил!», которая не изменила своему девизу, как не изменила своему вождю и теперь еще во время похода в южную провинцию, которая, наконец, когда иноземное его тяжелым ярмом гнело родную сторону, сказала королю: «будьте за народ, и мы за вас?». Это говорил главный редактор журнала, подвергшегося обвинению. Стало очевидно, что намерения оскорбить особу короля не было, и что обвинение было преувеличено. Присяжные оправдали подсудимого, и присутствовавшие, так враждебно смотревшие и на журнал, и на его защитника, встретили решение присяжных выражением живого сочувствия и одобрения.

Процесс «Новой Европы» есть одно из доказательств того, что так называемая партия действия остается верною королю Виктору-Эммануилу и воодушевлена лишь стремлением к единству Италии. Успехи, которые сделала идея единства в народном сознании, очень замечательны. Помня, как недавно еще было то время, когда жизнь южных провинций полуострова

⁹⁴ Гаэтано Филанджери, иначе Филанджиери (Filangieri; 1753–1788) – неаполитанский философ и юрист.

⁹⁵ Одилон Барро, полное имя Иасинт Камиль Одилон Барро (Hyacinthe Camille Odilon Barrot; 1791–1873) – французский политик и государственный деятель.

⁹⁶ Альбертинский статут – конституция, дарованная 4 марта 1848 г. королем Карлом-Альбертом Сардинским; с 1861 г. после объединения Италии стала Конституцией королевства Италии.

интересовала тосканцев столько же, сколько подвиги французов в Китае, и видя с каким участием теперь принимаются здесь же известия о событиях в Неаполе, невольно чувствуешь, на сколько образовалось уже единство. *Iam proximus ardet Ucalegon*⁹⁷.

Неаполитанские события имеют весьма неблагоприятный для новорожденного королевства характер. Разбои и грабежи в Калабриях и Капитанате, в Терра-ди-Лаворо и самом Неаполе выходят за пределы вероятия. Целые города, как, например, Козенца, еще так недавно приветствовавшие Гарибальди и его сподвижников именем избавителей, выказавшие такое горячее сочувствие народному делу, теперь дают у себя приют шайкам Кьявоне и подобных ему «генералов и полковников Франческо II»⁹⁸ и учреждают временные правительства от его имени. Окрестности Неаполя наводнены теми же шайками. И, что всего замечательнее, преданность тамошних жителей одному имени Гарибальди нисколько не изменились, и Кьявоне вынужден с особенным уважением говорить о народном герое в своих возмутительных прокламациях.

В самом Неаполе среди белого дня убивают одного отличившегося преданностью новому правительству советника полиции, в собственном его доме, и полиция не может отыскать преступника. Граф Понца-ди-Сан-Мартино⁹⁹, бывший наместником Неаполитанской области, для избавления управляемых им провинции от этих злодейств, требовал сначала присылки большого количества войск, затем объявления Неаполя на военном положении. Депутаты и за ними адрес, подписанный более чем 1.000 неаполитанских жителей, ходатайствовали об исполнении этого требования. Носятся слухи, что подписавшие этот адрес – отъявленные реакционеры, но я сообщаю это просто как слух, которых здесь очень много, неизвестно ни на чем основанных, ни кем распушенных. Что же касается вотировавших за осадное положение депутатов, – и это факт положительный, – то по возвращении на родину они были встречены торжественными свитками и кошачьей серенадой. Министерство не решилось объявить осадное положение, но и приняло отставку Сан-Мартино и на его место назначило генерала Чальдини¹⁰⁰ – назначение, по мнению многих, стоящее осадного положения.

Позвольте по этому поводу привести выписку из туринской корреспонденции одного флорентийского журнала, показывающую, каким нападкам подвергается назначение генерала Чальдини. «Думаете ли вы, что приобрести любовь и уважение народонаселения целой провинции так же легко, как переловить и расстрелять шайку бунтовщиков и разбойников?» – спрашивает корреспондент у генерала Чальдини и у тех, кто его послал. «Но если б это было так, то кто более австрийцев имеет право на преданность и благорасположение итальянцев? Они несравненно опытные и искуснее нас в этом деле. Может быть вы скажете, что австрийцы в Италии всегда были и останутся иноземными пришельцами, ну так возьмите неаполитанских Бурбонов. Кажется, они уже совершенно успели сродниться со страной. Они говорили ее наречием, этим хвастается Франческо в своей прокламации; а те, которые от их имени грабили и утесняли народ, были уже безо всякого сомнения однокровными соотечественниками угнетаемых. Однако же ни огнем, ни мечом не сумели они удержать в порабощении народ, как только проснулась в нем потребность иметь правительство более честное и справедливое. И то, чего мы не могли сделать Бурбоны, казалось, прочно укрепившееся в стране, в которой с давних лет они сняли семена раздора и порока, в которой щедрыми подачками они успели привлечь на свою сторону не одну алчную и честолюбивую натуру, – то, на что у них не хва-

⁹⁷ «Горит жилище соседа Укалегона»; цитата из «Энеиды» Вергилия (11:311; пер. с лат. С. А. Ошерова) – о непосредственной и близкой опасности.

⁹⁸ Франциск (Франческо) II Бурбон-Сицилийский (Francesco II delle Due Sicilie; 1827–1892) – последний неаполитанский король, потерявший трон в результате экспедиции Тысячи Гарибальди и последующих военных действий Пьемонта.

⁹⁹ Густаво Понца, граф ди Сан-Мартино (Ponza di San Martino; 1810–1876) – пьемонтский политик.

¹⁰⁰ Энрико Чальдини (Cialdini; 1811–1892) – военный и политический деятель Рисорджименто; один из руководителей осады Гаэты, где оказывал последнее сопротивление бежавший из Неаполя Франциск II Бурбонский.

тило силы, говорю я, думаете успеть сделать вы, вы, вчера сюда явившиеся, явившиеся может быть, без приглашения жителей, в которых до сих пор кроме неудовольствия и недоверия вы ничего возбудить не сумели. Вы хотите штыками водворить порядок! Неужели вы считаете южных итальянцев способными делать революции с единственной целью променять штыки из арсеналов Каstell-Нуово¹⁰¹ и Пьетрарсы¹⁰² на штыки, отточенные против их груди в Турине? Мы не сомневаемся, что вы истребите разбойников и реакционеров, пресечете зло (не вами ли же порожденное?); но мы не думаем, чтобы во имя достижения этой цели позволено было, вопреки закону, ставить генерала Чальдини выше общественного мнения, выше самого закона. И отчего именно Чальдини? Мы вовсе не отвергаем блестящих достоинств завоевателя Гаэты; ни мало не подвергаем сомнению его горячую преданность благу отечества, его благоразумие, умеренность; мы готовы видеть в нем идеал человека. Но как вы не хотите понять, что в политике главную трудность составляет выбор людей, что не только личные достоинства, но и самое имя в этом случае имеет значение? Менее всего в Неаполь можно было бы послать наместником Чальдини, автора несчастного письма к Гарибальди¹⁰³, которого Неаполь боготворит. Может быть примирение (Гарибальди с Чальдини) и погасило несколько гнев и раздражение неаполитанцев, оскорбленных в лице своего героя, но есть вещи, которые нелегко забываются народом, а в особенности пылким народом южной Италии. Я от души желаю, чтобы новому наместнику удалось привлечь к себе народный и либеральный элемент края (как он выражается в своем воззвании к VI корпусу), но вместе с тем я сильно сомневаюсь, что он мог успеть в этом. Представители этих начал в южной Италии всеми силами души обращены к тому, кто одинокий теперь на скалах Капреры¹⁰⁴ держит в своих руках судьбы Италии, и кого оскорбления выскочек и врагов не более могут возмутить, как легкий ветерок – каменные утесы Альпов».

Этими и подобными этому приветствиями был встречен Чальдини при новом своем назначении. Общее неудовольствие усилилось тем, что по приезде своем в Неаполь он обратился прямо к войску с прокламацией, в которой едва вскользь упомянул о том, что он намерен искать содействия и расположения жителей. С другой стороны, он получил угрожающее, но не без такта написанное письмо от предводителей разбойничьих шаяк, которые, я думаю, скоро раскаются в своей дерзкой выходке. Мне кажется, однако ж, что люди, относящиеся так враждебно к новому наместнику, несколько увлекаются и слишком поддаются чувству предубеждения против этого генерала, так недавно еще оказавшего важные услуги отечеству. Об административных его способностях до сих пор мало известно, и мы не имеем права предполагать, что он без разбора будет давать ход той суровости, которой требовали от него тогдашние обстоятельства. Впрочем, слухи о предоставлении ему особенной власти, подавшие повод к приведенной мною корреспонденции, оказались несправедливыми, а при настоящих событиях необходимы меры решительные.

Что же касается совершенного водворения порядка в Неаполитанской области, то дело это крайне трудное, и одна личность, называется ли она Чальдини, или иначе, сделать ничего не в состоянии. Зло слишком глубоко пустило корни, и освящено многими годами терпимости. Болезнь хроническая, и против нее нужно упорное радикальное лечение.

В Неаполе многое было говорено и писано со всевозможных точек зрения; но, несмотря на всё это, можно еще много сказать о нем, чтоб иностранная публика могла сколько-нибудь

¹⁰¹ Castel Nuovo («новая крепость») – одна из главных цитаделей Неаполя, стоящая на берегу моря.

¹⁰² Pietrarsa, местечко к югу от Неаполя, где было устроено металлургическое и оружейное производство (в настоящее время музеефицировано).

¹⁰³ 22 апреля 1861 г. Энрико Чальдини опубликовал в «Gazzetta di Torino» открытое резкокритическое письмо к Гарибальди, получив затем от него взвешенную и убедительную отповедь.

¹⁰⁴ Имеется ввиду Гарибальди, удалившийся в самоизгнание на о. Капрера; см. очерк Л. Мечникова «Капрера» в его книге «Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах» (СПб.: Алетейя, 2017, с. 147–191).

точно судить о значении и характере теперешних кровавых событий. Впрочем, успокойтесь, благосклонный, да заодно и не благосклонный читатель: я не буду распространяться ни о величественном виде Везувия, ни о красоте Санта-Лучии. всё это уже очень давно описано; теперь вулкан другого рода привлекает мое внимание. Вулкан этот – огромная масса неаполитанского народонаселения, оставшаяся за цензом, живущая вне покровительства законов, не несущая за то никаких тягостей гражданского устройства, это, одним словом, – ладзароны¹⁰⁵.

С поэтической точки зрения жизнь этого класса, исключительно свойственного Неаполю, разобрана давно. Но так как всё сказанное до сих пор о ладзаронах без особенных изменений и без натяжки может быть применено к жизни константинопольских собак, то я не лишним считаю сказать несколько слов и положении ладзаронов и вообще о бывшем гражданском и административном устройстве Неаполя. Нисколько не отвергаю, что эта первобытная свободная жизнь под небом южной Италии имеет свою поэтическую сторону, которой однако сами ладзароны не сознают и не могут сознавать, по той очень простой причине, что они вообще не дошли еще до человеческого сознания о себе и окружающей их жизни, не дошли, конечно, не по своей вине, а благодаря тем препятствиям, которые постоянно подставляли им на пути их развития поэтические администраторы Неаполя, со времен принца Филиберта Оранского¹⁰⁶, или даже и прежде, и до самого г. Либорио Романо¹⁰⁷ включительно. «Но, скажут мне, ладзарон счастлив, потребности его очень ограничены и потому легко удовлетворяются. Он вполне доволен своим положением и не променяет его на самое блестящее положение в свете». Нет, смело отвечаю я. Может и была такова жизнь ладзарона в золотом веке его существования, во время правления короля Назоне¹⁰⁸, когда Неаполь не более был стеснен полицейскими положениями, чем например степь Сахары, когда за 1 грань (1 коп. сер.) можно было наесться вдоволь арбуза и пиццы; когда англичане толпились на Кьяйе и, заглядевшись на Везувий, оставляли без прикрытия батистовые платки и табакерки в задних карманах своих фраков; когда сбирь¹⁰⁹ и полициотти¹¹⁰ давали полный ход промышленности ладзаронов, и мирились на незначительном проценте с барышей. Счастливое это время и теперь еще сохранилось в предании, но в сущности оно давно уже миновало. Пицца вздорожала, а главный источник доходов ладзарона, англичане, становится менее прибыльным с каждым днем. Бурбонское правительство давно уже всеми силами старалось привязать к себе бульдога. По табельным дням, по годовым праздникам им раздавались от имени короля съестные припасы и несколько копеек денег. Часто король сам присутствовал при этом, а иногда королева собственноручно надеяла толпу щедрыми ломтями жирной пиццы. Ладзарон брал с добродушной улыбкой, кричал неистовая *vivai*, кидая вверх свой фригийский колпак, а отойдя, снова скалил зубы. Пульчинелла¹¹¹ не так глуп, как кажется...

Я не думаю, чтобы в каком-либо городе было столько человеколюбивых учреждений, как в Неаполе; там есть братство Милосердия (*la Misericordia*) и множество других с целью помо-

¹⁰⁵ Ладзарони, иначе лаццарони – неаполитанский плебс, люмпен-пролетариат, со своей ярко выраженной идентичностью (по имени ев. Лазаря – покровителя бедных и больных; ср. выражение «петь лазаря»),

¹⁰⁶ Филибер де Шалон-Арле, принц Оранский, сеньор Арле и Нозеруа (Philibert de Châlon-Arlay, 1502–1530) – известный полководец, главнокомандующий императорскими войсками в Итальянской кампании Карла V, с 1528 г. генерал-капитан Неаполя.

¹⁰⁷ Либорио Романо (Romano; 1793–1867) – политический деятель эпохи Рисорджименто, часто и умело проводивший двойную игру: будучи министром внутренних дел при последнем неаполитанском короле тайно содействовал успеху Гарибальди, против которого не раз интриговал и проч.

¹⁰⁸ Фердинанд I. – Прим. автора. [Nasone (*итал.*) – носилец; прозвище короля Фердинанда I Неаполитанского (1751–1825), он же Фердинанд IV Обеих Сицилий, с 1816 г.]

¹⁰⁹ Итальянизм: *sbirro* – полицейский стражник, сыщик, шпик (презр.); в XIX в. также – судебные и полицейские служители, которые были вооружены и имели военные структуры.

¹¹⁰ Итальянизм: *poliziotto* – полицейский.

¹¹¹ *Pulcinella* – персонаж итальянской Комедии дель арте, сходный с русским Петрушкой.

гать бедным, недостаточным больным давать средства лечиться, хоронить неимущих мертвых. Там есть Братство бедных св. Януария, где устаревшие слуги находят приют и спокойствие. Но ладзарон, как прокаженный, чужд благотворного действия этих филантропических учреждений. Здоровый, он промышляет; состарившийся, больной, он лежит под портиком какой-либо церкви, благо в них нет недостатка в Неаполе, и довольствуется тем, что добровольно дают ему сердобольные прихожане.

Благодаря этой промышленной жизни, требующей постоянного напряжения умственных способностей, благодаря природной наблюдательности и добродушно саркастическому здравому смыслу, ладзарон далеко не так туп и неразвит, как этого можно бы ожидать. Неаполитанцы вообще охотники до гимнастических упражнений; во всей Европе они славятся искусными фехтовальщиками и ловкими наездниками. Ладзароны довели до высшей степени совершенства искусство владеть стилетами и камнями; это единственное их оружие; оно у них всегда под рукой, и регулярные батальоны швейцарских наемников не раз отступали перед толпой, вооруженной столь первобытным образом. Но чем сильнее становились ладзароны, тем более энергическую оппозицию представляла им администрация. Приглядевшись поближе к их жизни, невольно удивляешься тому, сколько усилий нужно было им, чтобы удержаться хоть на той жалкой степени, на которой они стоят теперь; удивляешься тем разнообразным способностям, которые тратились бесплодно на эту алчную борьбу с толпой кровожадных грабителей и воров в мундирах сбиров и полицейских чиновников. Дайте ладзарону другую обстановку, другого, более достойного врага, из него выйдет Мазаньелло¹¹²; при теперешних условиях он ловкий карманный плут, или страшный гаморрист¹¹³.

В первое время моего пребывания в Неаполе, меня поражали страшные мрачные фигуры, в живописных лохмотьях, с выразительными, большей частью злыми козлиными физиономиями, которые постоянно замечал я везде, где только собиралась толпа народа. Они неподвижно стояли среди всеобщего движения, ни с кем не говорили и только внимательно посматривали из-под нахлобученных на глаза своих *sombrero*, многозначительно заложив за пазуху руку. В них было столько таинственного, театрально-эффектного, что они невольно бросались в глаза. Идете ли вы по базарной площади, торгуетесь ли с веттурином¹¹⁴ на извощичьей бирже, они тут как тут, словно столбы с напечатанною на них таксой, составляющие необходимую принадлежность, подобных собраний в городах более цивилизованных. Я не один раз спрашивал у людей, более знакомых с Неаполем, что означают эти фантастические фигуры. «Гаморристы, *sono della gamorra*»¹¹⁵, отвечали мне, почти всегда шепотом и с суеверным страхом оглядываясь во все стороны. Я ничего не понимал и думал, что гаморра, подобно *iettatura*¹¹⁶, сглазу, создание пылкой неаполитанской фантазии. Оказалось однако иначе. От гаморриста, не то что от иеттатора, не спасут вас коралловые рожки, носимые неаполитанцами на часовой цепочке для предохранения от сглаза. Тут пожалуй и рожки и цепочка вместе с часами исчезнут разом, если вы немножко зазеваетесь по сторонам. Но гаморристы и не просто воры. Я собирал повсюду о них сведения, и, так как это учреждение играет очень важную роль в неаполитанской жизни и занимает теперь всех без исключения, я сообщу вам результаты моих розысков¹¹⁷.

¹¹² Мазаньелло (Masaniello; 1623–1647) – неаполитанский вожак-бунтарь.

¹¹³ Правильно: каморрист; член преступной неаполитанской организации – каморры.

¹¹⁴ Итальянизм: *vetturino* – извозчик.

¹¹⁵ Они из каморры.

¹¹⁶ Правильное написание: *iettatura* (сглаз); иеттатор – тот, кто причиняет сглаз.

¹¹⁷ Неаполитанской каморре автором посвящена позднее XVIII глава «Записок гарибальдийца», под названием «С ан джо ван н ар а»; редакция «Русского вестника», публикуя эту главу, сделала следующее примечание: «О Санджованнаре и вообще о гаморристах, или каморристах см. статью “Неаполь и Тоскана” в “Современной летописи”, № 34».

Гаморра не шайка, не тайное общество, и Дюма в новом своем сочинении о Неаполе¹¹⁸, говорит о ней очень неудачно. Гаморра – правительство ладзаронов, не подошедших, как я выше сказал, под законы, изданные правительством Бурбонов для и против других классов королевства; правительство независимое от официального неаполитанского правительства, равносильное ему, ведущее с ним переговоры от равного к равному и только что не посылающее своих агентов и посланников за границу. Виноват, впрочем: в настоящее время гаморра в правильных дипломатических отношениях с Римом. Ладзароны вынуждены были подчиниться гаморре, сначала вследствие сильно развившейся в них потребности противопоставить своим врагам какую-нибудь компактную, сколько-нибудь организованную массу. Гаморристы должны были защищать их от нападений полициоттов и сбиров, а ладзарон обязывался платить им посильную подать. Каждый квартал, каждое отдельное ремесленное общество имеет своих гаморристов. Чтобы таким способом найти в этом учреждении ограду против гонений и притеснений полиции, ладзароны должны были стараться придать своим гаморристам особенную силу. Кто хочет сделаться гаморристом, от того требуются особенные качества: физическая сила, умение владеть оружием, пронырливость и холодная жестокость. Большая часть гаморристов, пользующихся особенной репутацией, были по несколько раз приговариваемы к галерам¹¹⁹, многие бежали из тюрьмы, и один раз попав в темный лабиринт переулков Неаполя и поместившись под покровительство какого-нибудь из могущественнейших гаморристов, спокойно смеялись над усилиями полиции и ожидали удобного случая собрать себе достаточное число клиентов и сподвижников, чтобы начать самостоятельную деятельность. Гаморра тяжело лежит на плечах массы народа, живет за ее счет и кровь. Хотя обыкновенно гаморристы ограничиваются податью, не превышающей половины барыша ладзарона, но для сбора податей отправляются клиенты, которые в свою пользу берут по крайней мере половину остального, и таким образом настоящему владельцу остается только четверть его имущества, а иногда и просто всё у него отбирается, если гаморрист очень силен и не боится народного гнева. Ладзароны, живущие дружно с гаморрой, не стесняются ничем. Они могут красть, совершать всевозможные преступления – полиция их не коснется. Если у вас украли что-либо, ни за что не обращайтесь в полицию, а ищите протекции гаморристов. Многие из них, беглые каторжники, живут теперь очень роскошно – *fanno figura*¹²⁰, как говорят в Неаполе, ездят в свет и принимают у себя. Все хорошо знают прошедшее такого господина, но никто не осмеливается ни словом, ни движением подать повод к подозрению. Мести гаморристов неаполитанцы, без различия класса и состояния, боятся пуще грома небесного. Между гаморристами есть также женщины.

Нужно, впрочем, заметить, что хотя общее правило таково, каким я его представил, но попадаются порой блистательные исключения, и о некоторых из них я скажу после. Тем не менее, гаморра остается учреждением вредным в высшей степени. Настоящее правительство, кажется, сознает это, но до сих пор ему еще не удалось ничего сделать в этом отношении, и оно даже, чтоб ослабить одну партию гаморристов, обращалось к другой. Может быть, оно вынуждено было к тому необходимостью, но во всяком случае это подает дурные надежды на будущее. Уничтожить гаморру разом нет никакой возможности. Крутые и строгие меры ни к чему не приведут. Если бы даже перестрелять и перевешать всех гаморристов, пока правительство не приобретет полного доверия к себе народа, пока оно не заменит существующей безурядицы благоразумными и правительство исполняемыми полицейскими постановлениями, пока ладзарон не почувствует себя гражданином, и ему не представится честная деятельность, сколько

¹¹⁸ Александр Дюма опубликовал ряд очерков по данной теме, ставших основой многотомной исторической хроники неаполитанских Бурбонов («I Borboni di Napoli»; 1862–1863); о пребывании Дюма в Неаполе см. главу «Журнал *Indpendente*» (№ XVI) в «Записках гарибальдийца».

¹¹⁹ Итальянизм: *galera* – тюрьма.

¹²⁰ Дословно: делают фигуру.

не разгоняйте разбойничьих шаек, какие хотите употребляйте жестокие меры, вы не дойдете до благополучных результатов.

Замечателен следующий факт. Большинство гаморристов, так дружелюбно уживавшихся с прежним правительством, во время последней революции оказались против него, и многие из них обнаружили необыкновенную, и непонятную, горячую, бескорыстную преданность итальянскому движению. Позвольте познакомить вас с двумя личностями подобного рода, – Гамбарделлой, рыбаком с Санта-Лучии, и Санджованнарой, целовальницей¹²¹ из Старого Неаполя.

Лично я мало знал Гамбарделлу; видел его раза два или три в *Palazzo d'Angri*, где жил Гарибальди. Один раз я был представлен ему его приятелем, поручиком национальной гвардии. С неаполитанцем очень трудно познакомиться, в особенности если вы говорите с ним чистым итальянским языком. Гамбарделла стеснялся перед новым лицом; он только что вышел от диктатора и был, как говорится, не в своей тарелке. У него одна из тех резких и выразительных физиономий, которые в Неаполе встречаешь на каждом шагу и на которые, по привычке, перестаешь обращать внимание. Между тем человек этот очень замечательный. Родившийся и выросший среди разврата, который успел, конечно, несколько пристать к нему, он настолько выказал привязанности к национальному движению, что не воспользовался днями смут, чтобы набить карман, как многие другие, но напротив употребил всю свою власть гаморриста для поддержания порядка в эти трудные минуты. Еще при прежнем правительстве он выказывался ревностным патриотом, потерпел за то много гонений и сидел в тюрьме. При вступлении Гарибальди в Неаполь, он встретил его от лица народа и сказал при этом длинную речь на неаполитанском диалекте. Не знаю, понял ли ее Гарибальди, я же со своей стороны видел только отчаянную мимику. Оратор не мог кончить своей речи. Он с неподдельным волнением бросился на колени и поцеловал руку народного героя. После это Гарибальди имел с ним много свиданий, и между ними бывали продолжительные разговоры. Из этих-то и тому подобных разговоров Гарибальди в несколько дней успел коротко ознакомиться со страной, которую видел первый раз, но которой понял и угадал все нужды и спешил по возможности удовлетворить их административными распоряжениями.

Несколько дней после того как я познакомился с Гамбарделлой, я встретил представившего меня ему поручика национальной гвардии. Личность эта сама по себе очень замечательна. Принадлежа к мелкой буржуазии, он не получил никакого образования. Замечу мимоходом, что в Неаполе очень мало людей с этим обыкновенным образованием, которое встречаешь всюду во всех городах Европы. Там вы найдете очень хороших ученых, но конторщика для магазина найти трудно. Это происходит от того, что во всем Неаполе нет ни одной порядочной школы, ни одного из тех легких и дешевых средств образовать себя, которыми мог бы воспользоваться каждый, и потому только тот, кто положил себе специальною целью образоваться, может достигнуть этого, и то если не лишен материальных средств.

Но перейдем к моему поручику. Простой и добродушный на вид, он был хитер и пронырлив, вместе с тем готов душой и телом привязаться к первому встречному. Не раз скомпрометированный перед бурбонским правительством, он почти весь промежуток времени от 1848 г. и до нового объявления конституции провел в тюрьме, откуда через посредство гаморристов вел деятельный заговор. Едва выпущенный на волю, он вошел в сношение с рыбаками и окрестными жителями и приготавливал их к новым событиям. При этом он сошелся с Гамбарделлой и в короткое время сблизился и подружился с ним. Одна была несчастная слабость у

¹²¹ Т. е. кабачница (у автора ниже – «кабачница»), О Санджованнаре (наст. имя: Марианна Де Крешендо) подробнее см. одноименную главу в «Записках гарибальдийца» Мечникова. Ее кузен Сальваторе Де Крешендо, главарь каморры, по поручению Либерио Романо, отвечал за порядок в Неаполе после бегства короля Франциска II и до создания новой администрации. 21 октября 1860 г. во время плебисцита по присоединению к Сардинскому королевству, она приняла в нем демонстративное участие, хотя женщинам не давалось право голоса. Спустя пять дней вышел государственный указ, согласно которому Санджованнара стала получать, вместе с четырьмя другими неаполитанками, персональную государственную пенсию.

бедного патриота, а именно – говорить вычурно и изысканно, что ему не всегда удавалось, и иногда придавало его речам странный характер.

В этот день мой приятель был как-то особенно нахмурен: оливковое лицо его было длиннее обыкновенного, и на левой руке навязан черный креп. «Печальные вести», сказал он мне. – А что? Разве... «Да неужто вы не слышали о неприятном событии, случившемся сегодня утром с Гамбарделлой?»

Я ничего ровно не знал. Собеседник мой вытер кулаком глаза, голос его дрожал, а он не хотел выказать свое волнение. Несколько минут он не мог сказать ни слова. «*Voi conoscevate la prepotenza di quest'uomo* (вы ведь знали своенравие этого человека), – сказал он с досадою, – вот оно-то его до добра не довело». Гамбарделла утром того дня поссорился с рыбаком на Санта-Лучии. От слов дело дошло до драки; но сын рыбака, с которым ссорился Гамбарделла, мальчик лет пятнадцати, подбежал к нему сзади и всунул ему по самую рукоятку свой нож между ребер. Толпа бросилась на убийцу и на отца его, и насилу потом подоспевшая национальная гвардия отбила их обоих полуживых. Гамбарделла был мертв. На следующий день многочисленная толпа проводила тело своего трибуна на кладбище. Гарибальди шел за гробом...

Другое мое знакомство, это – Марьянна (не помню настоящей ее фамилии), известная всему Неаполю под именем Санджованнары. Кто дал ей это прозвище, и что оно означает, не знает ни она сама и никто в целом Неаполе. Санджованнара – содержательница кабака, как я уже сказал выше, в одном из тесных переулков Старого Неаполя, самой запущенной и мрачной части всего города. В этом кабаке собирались гаморристы и представители различных народных корпораций. Ее посещали и неаполитанские солдаты бурбонской армии; но немцы и всякие наемники не смели и носа показать в ее заведении. Там Санджованнара держала торжественные речи, возбуждала энтузиазм своих слушателей, собирала подписки, распоряжалась собранными суммами, подкупала. Полиция долго терпела опасную гаморристку, наконец послан был патруль из четырех человек арестовать ее в ее же собственном жилище. И до сих пор неизвестно, куда исчез этот патруль. Положено было принять решительные меры. Был послан целый отряд, чтобы схватить кабачницу и наиболее подозрительных из ее посетителей. На этот раз исчезла Санджованнара и пропала без вести, пока не произошла революция и не переменялось правительство.

В первый раз познакомился я с этою женщиной у Д.¹²², останавливавшихся в гостинице Витория пресловутого г. Мартина Цира. Сандживаннара хотела достойно себя представить иностранному *principe*¹²³ и разрядилась в пух и прах. Невысокий полный стан был донельзя стянуть темным шелковым платьем. Черные волосы гладко прилизаны и покрыты громадным трехцветным платком, концы которого падали на смуглую грудь и плечи. Она уже не молода, в лице ее много грубого, вульгарного, но оно так правильно и вместе с тем так оживлено, густые, почти синие брови шевелятся, как усики у осы, крылья носа подвижны и ни на минуту не остаются в покое, – всё это вместе представляет чрезвычайно гармоничный ансамбль, и понятно, что в молодости женщина эта находила достаточно поклонников. В защите или покровительстве другого Санджованнара не нуждается. Она носит всегда при себе свой калабрийский стилет и владеет им лучше любого гаморриста. Ей сопутствовал широкоплечий, дюжий юноша без усов и бороды, гордо посматривавший на всех и каждого и самодовольно улыбающийся, замечая то впечатление, которое производила на других его покровительница.

Я набрасывал в альбом княгини Д. портрет Марьянны и всеми силами старался занять ее и воодушевить каким-нибудь разговором. Она конфузилась и подавалась очень неохотно. Это было тотчас по приезде в Неаполь короля Виктора-Эммануила. Вечером было назначено какое-

¹²² Возможно, князя Долгоруковы, Петр Владимирович (1816–1868), известный фрондер, историк, публицист, живший с 1859 г. в самоизгнании за границей (Мечников занимался переводами его памфлетов; см. также прим. на с. 20), и его супруга Ольга Дмитриевна, урожд. Давыдова (1824–1893).

¹²³ Князь.

то празднество, и я, истощив весь запас своей изобретательности, не нашел ничего лучше как спросить, пойдет ли она на этот праздник. В ответ, Санджованнара провела четырьмя пальцами правой руки у себя под подбородком и щелкнула языком, что на немом неаполитанском наречии значить нет, или вообще отрицание.

Продолжая разговор на эту же тему, я всевозможными иезуитскими уловками довел наконец почтенную гаморристку до того, что она несколько высказала свой образ мыслей о последних событиях. Она сильно склонялась на сторону неаннекционистов¹²⁴.

– Однако же вы вотировали *да*, – сказал я ей.

– Конечно, потому что этого хотел *babbo*¹²⁵.

Я удивился такой дочерней покорности Санджованнары, которой вовсе не ожидал в ней встретить. Но оказалось, что *babbo*, не кто иной как – Гарибальди.

– Но если *babbo* желал немедленного присоединения, вероятно он признавал его необходимым для благополучия Неаполя.

– Разумеется, *babbo* не сделал бы дурного; да ведь мы и рады, и ни слова не говорим против этого. Того же мы все и добивались, чтоб Италия была одна, и король бы один в ней был. А теперь вот носят слухи, что король нам все новых своих посадит, а Галубарда¹²⁶ уехать должен отсюда. А согласитесь, ведь: как же Неаполю теперь без Галубарда быть? Впрочем, ведь вы, эччеленца¹²⁷, это лучше знаете, прибавила она, как будто раскаиваясь в том, что увлеклась на несколько времени. А мы люди темные, говорим, что слышим.

В другой раз я видел Санджованнару в ее кабаке: там это была другая женщина. Костюм ее был гораздо менее изыскан, но за то несравненно лучше шел к ней; он состоял из гарибальдийской красной рубахи с засученными рукавами, и из какой-то неопределенного цвета юбки; на голове был шелковый же трехцветный платок, а из-за пояса торчал стилет в деревянных некрашенных ножнах. Впрочем, о втором моем с ней свидании я намерен подробнее рассказать в другом месте¹²⁸.

Я привел вам эти два примера для того, чтобы показать, как иногда среди того разврата, в который погружены низшие классы неаполитанского народонаселения, попадаются всё же личности с искренним желанием действовать на пользу тех же своих сограждан, которых, в силу давно установившейся привычки, они не считают позорным грабить.

Кончу тем, с чего бы мне следовало начать. Под рубрикою «Тоскана и Неаполь», я намерен по временам знакомить публику с жизнью этих двух провинций Италии. Я выбрал именно эти две области, потому что, во-первых, я их знаю лучше остальных частей Италии, а во-вторых, потому что они представляют две совершенно противоположные фазы развития. Тоскана, с ее блестящим прошедшим, с ее кроткими и трудолюбивыми жителями, страна промышленности, и Неаполь, с его буйными ладзаронами, готовыми на всё, даже поработать полчаса, чтобы продолжить сладкое *farniente*¹²⁹, долго еще будут жить своебытною отдельною внутреннею жизнью, какое ни затевайте административное единство. Лишь когда сгладятся эти особенности, тогда единство Италии будет вполне совершенным, тогда только начнет существовать итальянская нация; а до того, может быть только итальянское правительство, итальянское войско (и его много нужно будет для достижения предполагаемых результатов), да еще разве итальянская всемирная выставка, предполагающаяся во Флоренции к сентябрю¹³⁰.

¹²⁴ Отрицательно относившиеся к присоединению Южной Италии к Объединенному Итальянскому королевству.

¹²⁵ Батюшка.

¹²⁶ Так в Неаполе произносили фамилию Гарибальди.

¹²⁷ Eccellenza – Ваше сиятельство.

¹²⁸ См. главу «Санджованнара» в «Записках гарибальдийца» Л. Мечникова.

¹²⁹ Ничегонеделанье.

¹³⁰ См. ниже специальную статью автора «Художественная часть флорентийской выставки».

С этой целью уже начаты большие работы. Вокзал железной дороги переделывается в галерею для выставки; мастерские художников наполняются произведениями, предназначенными украшать эти галереи. Содержательницы *appartements garnie*¹³¹ и табльдотов видят во сне несчетные толпы рыжебородых англичан, наперерыв бросающихся на каждую дверь, на которой виднеется заветный ярлык. Щедрость и сплин на их британских лицах; гиней и франческоны¹³² в отдутых карманах.

Даже моя старая хозяйка, синьора Роза, начинает забывать блаженные времена Леопольда¹³³, и несколько ласковее выбивает пыль из фланелевой красной рубашки: кум ее обещал ей к сентябрю доставить отборную пару длинных англичан, или по крайней мере русских простаков, приехавших лечить отмороженные ими в Сибири носы и за одно уже посмотреть *battistero S. Giovanni*¹³⁴, Кашины¹³⁵, и что еще попадет под руку.

*Гарибальдиец*¹³⁶

Из Италии

Сиена, 4 февраля

Сиена, в древности называвшаяся *Siena Julia*¹³⁷, в настоящее время между жителями всей остальной Италии пользуется более характеристическим прозвищем – *воровская* Сиена (*Siena di birbanti*¹³⁸). Если бы о ней пришлось делать повальный обыск, то я не думаю, чтобы многие из соседей ее отозвались благоприятно о нравственности ее жителей, об удобстве жизни в ней, о красоте и великолепии улиц и зданий. «Кто хочет делать всё, что ему вздумается, тот должен отправляться в Сиену», – говорят жители Средней Италии, из которых большая часть никогда не бывала в этом городе; несмотря на это, я не поручусь, чтобы каждый из них стеснялся в своих поступках какими бы то ни было великодушными соображениями.

Сенезы, с своей стороны, очень добросовестно оплачивают своим недоброжелателям за клеветы, распространяемые ими насчет их отечества по всему земному шару.

С точки зрения великолепия и внешней роскоши город этот представляет очень немного замечательного. В Сиене нет ни одной сколько-нибудь прямой и длинной улицы, ни одной большой и хорошо обстроенной площади, которую можно было бы принять за центр. Конечно, гористое положение много способствовало неправильности ее плана. Как большую редкость, в Сиене показывают путешественникам дом, или «*palazzo*», как его великолепно называют здешние чичероне, принадлежащий какому-то богатому купцу; единственное право, которое может иметь это здание на внимание публики, составляет его молодость в сравнении со всеми другими, украшающими или уродующими этот невинный город. Дом этот гордо стоит, сверкая чистотою своих недавно еще выкрашенных стен; но на его причудливый вид и на сомнительный стиль его архитектуры как-то презрительно смотрят почерневшие, растреснувшиеся и покосившиеся набок окружающие его здания, гордые многочисленными победами, одержанными ими в разные времена над общим врагом всего земного – над разрушением. Большая часть из них и в самую цветущую эпоху своей молодости не поражали ни гармонией форм, ни изяще-

¹³¹ Меблированные апартаменты (*фр.*).

¹³² Francescane – серебряная монета Великого герцогства Тосканского, чеканившаяся до 1859 г.

¹³³ Леопольд II Габсбург-Лотарингский (Leopoldo II d'Asburgo-Lorena\1797–1870), Великий герцог Тосканский в 1824–1859 гг

¹³⁴ Крещальня ев. Иоанна (при кафедральном соборе).

¹³⁵ Городской публичный сад на правом берегу Арно.

¹³⁶ Опубликовано в: «Современная летопись», 1861, № 34, 26–32.

¹³⁷ «Юлиева Сиена» (*лат.*), т. е. посвященная Юлию Цезарю (и основанная римлянами).

¹³⁸ *birbante* – плут, мошенник, жулик.

ством и роскошью деталей, но все они давали приют великим мужам, геройским защитникам славы и величия отечества, отживших теперь, как отжили и эти бородатые мудрецы и широкоплечие воины.

Но Сиена город итальянский, а потому и в ней найдутся чудеса архитектуры и других искусств, которыми гордится город этот, как лучшими перлами своего неблестящего венца. И в ней есть собор, о котором много томов написано учеными археологами, отличавшимися громадной ученостью, еще большим терпением, а паче всего ничем непоколебимой любовью к родине, – не к той великой родине, которая так недавно еще успела стать самостоятельной личностью в Европе, после многих тяжелых страданий, геройских подвигов и невозможных успехов; а к тому крошечному уголку, в котором они родились, к той кофейне, где они выпили несколько тысяч пуншей в течение своей долголетней жизни.

Но я напрасно искал в этих художественных произведениях проявления характера жителей, мысли, которую хотел выразить художник этими громадными и часто роскошными формами.

Но везде, во всем видно только одно преобладающее чувство: затмить хотя бы художественную славу ненавистных своих соседей флорентийцев. Для этого одного Сиенская городская община издерживала последние свои средства на покупку каких-нибудь мраморных украшений для собора, или на постройку новой галереи или лоджии. К сожалению, не говоря уже о том, что средства, которыми обладала эта маленькая республика в самые лучшие годы существования, не могли соперничать с флорентийской общиной, обогащенной торговыми оборотами, – самая почва Сиены не была щедра на гениальные натуры: сколько ни изведено в ней камня, кирпича и разноцветного мрамора, Брунеллески и Микеланджело не нашлось.

По части живописи и скульптуры участь Сиены была малым счастливее; музеи ее – бедны и пусты: Пинтуриккио и Беккафуми¹³⁹ – два из лучших Сиенских живописцев, выбивались из сил, расписывая плафоны и портики ее церквей, но произведения их обладают слишком относительными достоинствами. Содома¹⁴⁰, считаемый лучшим местным мастером, превзошел всех их правильностью рисунка и колоритом, но всего больше самостоятельностью своей художественной деятельности. И он не был чужд повальной болезни века – ненависти к флорентийцам, но он оставлял палитру и кисти на время ее припадков и отправлялся в лагерь, где наподобие древних богатырей затевал единоборства, предводительствовал смелыми выходками и снова принимался за работу, утолив свою воинственную жажду, забывая флорентийцев и проч. Содома – любимый герой Сиенских преданий: он писал стихи, строил укрепления, и о нем рассказывается очень много анекдотов, не всегда правдоподобных, но выказывающих в самой высшей степени их проявления мужество и великодушие сенезов. Вазари отзывается без особенного уважения об этом художнике, который однако должен занимать одно из первых мест между знаменитостями своего века. Я вовсе не намерен вдаваться в оценку его произведений. Эта археологическая, мертвая Италия много веков стоит уже, нисколько не изменяясь, и давно слишком хорошо эксплуатирована для того, чтобы о ней можно было сказать десять слов, не даваясь в очень скучные повторения.

Я охотно заключил бы свои художественные сообщения какой-нибудь многозначительной выпиской из Вазари, или из какого-нибудь другого, столько же почтенного автора, но не делаю этого по совершенно независимым от меня причинам. Так или иначе, но я намерен оставить в покое все эти художественные чудеса, о которых начал говорить только для того, чтобы указать на очень характерную особенность Сиены в этом отношении: во всем городе нет ни одного произведения иностранных, а в особенности флорентийских художников, тогда

¹³⁹ Пинтуриккио, иначе Пинтуриккьо (Pinturicchio; наст. имя: Бернардино ди Бетта ди Бьяджо; 1454–1513); Доменико Беккафуми (Beccafumi; 1486–1551) – сиенские художники.

¹⁴⁰ Содома (Sodoma; наст. имя: Джованни Антонио Бацци; 1477–1549) – сиенский художник пьемонтского происхождения.

как по близости этих двух городов, можно было бы ожидать встретить в ней эти крошки флорентийского величия, такой щедрой рукой рассыпанные в других городах, далее отстоящих от Флоренции, но не бывших с нею в таких отношениях вражды и соперничества, как Сиена. Оригинальность города, конечно, много выигрывает от этого, но зато она так бедна всякого рода памятниками, а в особенности художественными произведениями, что мало привлекает к себе любопытных.

В Сиене нисколько не чувствуется близость Флоренции. Несмотря на общее им этрусское происхождение, на одинаковый тип жителей и на большое сходство в говоре, города эти, из всех городов Италии, всего менее похожи друг на друга. Кроме исторической причины, тут очень важную роль играет и то, что Флоренция, в течение последнего времени, жила почти исключительно иностранцами и для иностранцев, что она много переработала свою жизнь сообразно их требованиям и наклонностям, тогда как Сиена и до сих пор живет исключительно для себя, так как она в себе самой вынуждена искать ресурсы. В ней и в подобных ей городах открывается совершенно новая Италия, итальянская Италия, как следовало бы ее назвать в отличие от Италии *форестьеров*¹⁴¹, так хорошо уже известной и русской, и всем другим иностранным публикам. Во всякое другое время очень трудно было бы что-нибудь сказать об этом городе, но теперь в Италии то блаженное время, когда всякий отдаленный уголок ее представляет очень живой и существенный интерес, и представляет его тем больше, может быть, чем он отдаленней от общеевропейского сглаживающего влияния. С этой стороны Сиена представляет очень богатый источник, несмотря на бедность и на политическую незначительность своего положения.

Впрочем, назвать ее бедной можно только очень осмотрительно, так как в сохранной кассе этого города *Monte dei Paschi*¹⁴² лежат, говорят, капиталы, на которые, по словам Сиенских же жителей, можно купить несколько таких городов, как Сиена. Капиталы эти так же мертвы, как и их владельцы, потомки очень аристократических и очень знаменитых когда-то фамилий, похороненные теперь в своих загородных виллах или в городских домах, чуждающиеся всего живого, равнодушные ко всему, делающемуся вокруг них, так что их также смело можно не считать в общей цифре городского народонаселения, как и праотцев их, мирно сгнивших под тяжелыми мавзолеями *Campo Santo*¹⁴³. В обращении же тут так мало капиталов, торговая и промышленная деятельность так ничтожна, что купец, имеющей лавку бакалейных товаров в одном из менее кривых переулков, играющих роль главных улиц, считается здесь богачом.

Живое народонаселение Сиены делится на два класса, которых численность я не могу определить даже приблизительно. Первый из них люди работающие, второй – живущие за счет первых. Городские работники, поденщики, пролетарии составляют первый; второй: попы, монахи, отставные адвокаты и прокураторы, известные под общим названием *кодинов*¹⁴⁴, за свою вовсе небескорыстную преданность старому порядку.

Сиена мало пользовалась выгодами велико-герцогского правления; до нее не доходили отблески величия и роскоши двора, составлявшего вовсе не ничтожный источник дохода для Флоренции. Жители, правда, не были угнетены обременительными налогами, монахи и духовенство законно пользовались трудами других, но труд был стеснен, работник отдан в руки собственника. Монахи и попы горько оплакивают теперь свою потерю; собственники, вотировавшие большей частью за присоединение, теперь косятся на новый порядок и ворчат против него; но, благодаря старой своей привычке стоять только за выигранное уже дело, они не выска-

¹⁴¹ *Итал.* forestiero.

¹⁴² Сиенский банк, древнейший из существующих в Европе (основан в 1492 г.).

¹⁴³ Кладбище; дословно: святое поле.

¹⁴⁴ См. прим. на с. 30.

зывают открыто своего неудовольствия; выставляют трехцветные флаги из окон при всяких торжественных случаях, но только никак не решаются называть новым именем *Piazza Vittorio Emanuele* свою старую площадь *del Campo*¹⁴⁵.

Все же неблагоприятнее они смотрят на поднявшего голову пролетария. Эти последние более всех благосклонно относятся к настоящему. Стены домов все обклеены бумажками с портретами Виктора-Эммануила и с надписью: «*Viva Vittorio Emanuele, primo Re d'Italia*»¹⁴⁶, но вовсе не стараниями владельцев этих домов, или жильцов из лучших этажей. Часто, в день какой-нибудь годовщины пять этажей большого здания остаются совершенно спокойными и хладнокровными зрителями уличного торжества, но в окнах чердака пышно развеваются трехцветные лоскутки, часто бумажные платки с портретами короля и Гарибальди; мальчишки и взрослые целую ночь ходят по улицам, громко распевая народные гимны и всякие вновь сложенные патриотические песенки своими звучными, мужественными голосами. (В виде примечания: Сиена славится певцами и большая часть итальянских теноров и баритонов оттуда родом.)

Между тем налоги нисколько не уменьшены новым правительством, за исключением очень немногих. Водворение его стоило много жертв, которые главным образом вынесли на своих плечах эти трудолюбивые герои. Они даже и ждут новых денежных пожертвований, более всего для них тяжелых, а жизнью, конечно, каждый из них готов пожертвовать родине и святому делу.

Мелкая буржуазия поставлена счастливее их на этот раз, и ее преданность национальным идеям находит больше очевидных объяснений. Торгуя по преимуществу туземными произведениями, содержатели мелочных лавок ничего не потеряли от введения пьемонтского таможенного тарифа; а между тем они избавились от полиции, притеснявшей их по преимуществу и жившей на их счет, точно также, как от многих, очень стеснительных для них благочестивых постановлений и от отеческой власти епископов и их викариев. Они несут, правда, теперь более сильные государственные повинности, но слишком вознаграждены за это уже одним введением общей для всей Италии французской монетной системы, взамен прежней, тосканской, очень запутанной и представляющей смешение римской и какой-то неведомой остальному миру. Кроме всего этого, лавочник уже достаточно вознаграждается, если подать, платимая им, простирается до суммы 40 франков в год, правом избирательства представителей в парламент. Гордость его очень сильно польщена этим, с непривычки считать себя вполне гражданином, зависящим только от закона и от избранного им самим правительства. Правительство не оскорбляет его своим постоянно высказываемым к нему недоверием; напротив, оно дает ему в руки оружие, твердо убежденное в том, что он употребит это оружие на его же собственную защиту. И, конечно, оно не ошибается на этот раз. В Италии национальная гвардия несравненно лучший оплот существующего порядка, нежели даже регулярное войско, которому она однако же очень стремится подражать.

Сиена один из городов, мало привыкших к хорошей и добросовестной полиции; здесь и теперь еще в большой моде стилеты и всякие подобные ужасы. Самоуправство, сильно развитое в южных провинциях полуострова, в Средней Италии почти также глубоко пустило корни. Не говоря о дурных его сторонах, которые до известной степени могут повредить водворению здесь самоуправления (*self-government*), я замечу только, что оно способствовало водворению здесь какой-то особенной склонности к военным и гимнастическим упражнениям в самом мирном классе народонаселения, а потому это войско, составленное из сапожников и булочников, аптекарей и пр., не представляло здесь столько карикатурного, как в более спо-

¹⁴⁵ Ирония в адрес повальных в объединенной Италии «патриотических» переименований в честь героев Рисорджименто; площадь дель Кампо носит, однако, до сих пор свое историческое название.

¹⁴⁶ Да здравствует Виктор-Эммануил, первый король Италии!

койных странах Европы. Итальянская военная дисциплина, очень строгая и не во всем разумная, сколок с французской и с австрийской – двух слишком противоположных одна другой – применяется к национальной гвардии с большей осмотрительностью. Некоторые статьи военного устава, предоставляющие слишком широкое поле деятельности личному произволу обер и унтер-офицеров и служащие в регулярном войске поводом к злоупотреблениям с одной, и к неудовольствиям с другой стороны, на национальную гвардию производят совершенно противоположное действие, так как здесь офицеры избираются рядовыми и пользуются вполне их доверием. Не выводите только, пожалуйста, чтобы из этого общего правила не было исключений, иначе вам многое в моих письмах может показаться противоречием мною же сказанному.

Национальная гвардия имеет еще и ту, очень значительную выгоду, что не приносит ущерба государственному бюджету, и что повинность эта несравненно охотнее переносится гражданами, нежели все другие.

Проект Гарибальди – уменьшения постоянного войска и увеличения национальной гвардии батальонами волонтеров, которые должны быть мобилизуемы, для того, чтобы лучше привыкнуть к исполнению своих обязанностей, *pour s'aguerrir*¹⁴⁷, был очень хорошо принят всей Италией. Министерство однако же привело его в действие только в Южной Италии, и то вынужденное необходимостью; а какая была эта необходимость, вы, конечно, знаете по газетам. Министерство слишком придерживается регулярного войска – это его характеристическая черта, о которой мне вероятно не раз еще придется говорить и при более удобном случае. Однако же и оно признало очень полезным мобилизацию существующих уже батальонов, хотя может быть и не без задней мысли. Так ли или иначе, мера эта была принята с радостью. Мобилизируют обыкновенно только батальоны, составленные из лиц, принадлежащих к солидарным батальонам, но изъявивших желание быть мобилизуемыми. Таким способом молодым людям доставляется возможность с очень небольшими средствами ознакомиться с одноплеменными, но мало известными им провинциями. Многие из них, отправляясь в город, отстоящий на несколько сот миль от их родного города, словно предпринимают путешествие в неведомые страны, и также встречаются там. Явившийся прошлой зимой во Флоренцию неаполитанский батальон произвел там сильнейшее впечатление, нежели сиамское посольство в Париже. Они действительно казались иностранцами в этом итальянском же городе; говор их понимали с трудом и особенно дивились их энергической жестикуляции; самые лица их, правильные, напоминающие античные типы Великой Греции, странно отличались от этрусских физиономий их амфитрионов¹⁴⁸.

Национальная гвардия во всех провинциях Италии, за исключением разве Флоренции и ее окрестностей, где не представилось на это возможности, успела уже оказать очень важные услуги Италии, несмотря на очень недавнее свое существование во вновь присоединенных провинциях.

Однако самые низшие классы итальянского, а следовательно и Сиенского народонаселения, не входят в состав национальной гвардии, а еще большее число не пользуются даже правом голоса при избирании депутатов в парламент. Мне бы едва поверили, если бы я сказал, что привязанность их, так недвусмысленно ими высказанная, к новому порядку и к новому правительству совершенно бескорыстна.

Масса едва ли знает бескорыстные привязанности. Несмотря на то, что статут короля Карла-Альберта не предоставляет никаких прямых выгод низшим классам, не платящим податей 40 франков в год, каждый работник, каждый поденщик чувствует на себе его благое действие. Статут этот позволяет всем без различия гражданам государства полное право состав-

¹⁴⁷ Ради ужесточения (*фр.*).

¹⁴⁸ Амфитрион – герой греческих мифов; стал нарицательным именем человека, охотно видящего у себя гостей – после одноименной пьесы Мольера (1668 г.).

лять какие бы то ни было ассоциации или общества на благо общее столько же, сколько и для устройства быта отдельных классов и корпораций, конечно, только не на счет выгод и интересов ближнего. Таким образом, ограждая и защищая собственность, итальянское правительство дает полную возможность рабочим корпорациям выйти из их тяжелого состояния, угнетения и рабства, и стать вполне гражданами и свободными производителями. Это единственное здесь учреждение в пользу пролетария; но оно стоит многих, и одно привязывает на долгие времена самую беспокойную часть народонаселения края к правительству. В конце прошлого декабря в парламент представлена была просьба с очень большим количеством подписей, для предоставления не платящим 40 франков податей права избирательного голоса. Исполнение этой просьбы впоследствии может привести к очень хорошим результатам, но при настоящем положении рабочих классов оно не представляет особенной важности.

Тоскана по преимуществу страна трудолюбивая; Сиена по преимуществу город пролетариев, а потому провинция эта первая воспользовалась предоставлением возможности учредить рабочие братства и другие подобные ассоциации, и жизнь этого города очень много выиграла от их учреждения. Учредившееся здесь общество взаимного вспомоществования между ремесленниками в развитии своем пока еще отстало от подобных же учреждений в других городах Италии, но оно вероятно не замедлит опередить многие из них, потому что нигде оно не имеет столько важного для жизни целого города значения.

Главам и основная цель этих братств – освободить жизнь работника из-под постоянно давящей его возможности нищеты и из-под зависимости от покупателя его произведений, от случайности. Они следят за нравственным развитием рабочих, заботятся о просвещении их; учреждают бесплатные школы; раздают денежные вспомоществования на случай крайности, но с большим разбором и в таких только случаях, если крайность эта не вызвана дурным поведением работника.

Сумма, вносимая членами братства, очень незначительна – 20 сантимов в неделю, около 40 копеек серебром в месяц, но при большом количестве членов, она составляет значительный капитал для братства. Члены с своей стороны, уделяя очень незначительную часть своих заработков, обеспечивают себя против всякого рода неожиданностей и неблагоприятных случайностей.

Нечего и говорить, что прямым результатом действий этих братств будет развитие народной промышленности и очень тесное сближение между народонаселениями различных провинций Италии. К сожалению, средства, которыми пока обладают они, очень еще незначительны, и в Сиене меньше, чем где-либо. До тех пор, пока не учреждены будут магазины или склады, куда каждый будет иметь право приносить продукты своей деятельности, получая за них тотчас же, по оценке их присяжными, надлежащую плату, – жизнь городского работника далеко не будет представлять той солидарности, которую имеет жизнь земледельца. Но *chi va piano, va sano*¹⁴⁹ могут сказать себе в утешение Сиенские рабочие.

Так недавно еще жизнь их представляла самую жалкую и печальную картину; только недобросовестностью могли они выбиться, хотя сколько-нибудь, из своего безвыходного положения. 99/100 всего числа были даже безграмотны. А теперь во Флоренции читаются уже для них публичные лекции политической экономии, и, что всего удивительнее, читаются так, что их может понимать даже безграмотный: так сумел упростить эту запутанную и полную софизмов науку скромный профессор, укрывающийся громким псевдонимом *Niccolo Savio* (Николай Мудрый).

А между тем одна из главных причин бывшего жалкого состояния ремесленных классов еще не устранена.

¹⁴⁹ Кто идет медленно, тот идет правильно.

Не только дурное административное состояние было причиной дурного положения ремесленных классов в Тоскане, а в особенности их грубого невежества. Другая, и столь же важная, – это то великое, но вместе с тем тяжелое и подавляющее прошедшее, которое лежит на этой стране. Тосканцы, бывшие в разные века передовым народом Италии, а иногда и Европы, очень гордятся этим, и на основании этого одного считают себя и теперь еще самым просвещенным племенем в мире. Но они забыли, чем тогда им далось просвещение, забыли, что их счастливые времена прошли, что если преданием и сохранилась в них их прежняя цивилизация, то самая эта цивилизация отжила уже слишком давно, что если Данте и создал жизнь целых веков, то только двух, последовавших им веков и, наконец, что Данте был великий человек не потому, что происходил от этрусков. Перевод Крылова басни о гусях мог бы быть здесь очень полезен¹⁵⁰; но пока басня эта еще не переведена, ремесленные братства встретят очень много препятствий к достижению своей цели. Однако же они смело принялись за дело. В течение этого января во Флоренции открыты ими вечерние школы, постоянно полные учениками всяких возрастов. Торжественное открытие их было 12 января, причем президент, булочник Дольфи¹⁵¹, говорил очень длинную речь, встреченную громогласными рукоплесканиями.

Ремесленные братства всех городов Италии тесно связаны между собою и представляют одну народную ассоциацию, почетным президентом которой Гарибальди. В Генуе находится центральный комитет, называемый *Comitato del provvedimento*, управляющий общими делами всей этой ассоциации. Братства каждого города имеют своих отдельных президентов и управляются заседаниями, на которых все члены имеют равное право голоса. Заседания эти бывают каждое воскресенье, – день, когда ремесленники совершенно свободны от своих ежедневных занятий. На них избираются, общей подачей голосов, кассиры, по одному на каждую букву азбуки, иногда по два, если какой-либо одной буквой начинаются имена слишком большого количества членов. Общество имеет одного секретаря и несколько ценсоров и визитаторов, которых число не определено, и которых обязанности состоят в том, чтобы, в сообществе доктора, свидетельствовать членов, оказывающихся больными и требующих вспомоществования. Ценсора определяют меру этого вспомоществования, простирающегося до VA франка для взрослых и 75 сантимов для не достигших 15-ти лет и платящих в неделю 10 сантимов, вместо 20. Каждый член братства получает от кассира книжку, в которой отмечается получение от него еженедельной платы, точно так же, как и выдаваемое ему вспомоществование. Не платящий в течение 4-х недель лишается права на вспомоществование, а не платящий 8 недель исключается из братства, если не внесет сразу половину должной им суммы.

В братствах этих участвуют не только поденщики и ремесленники, но и художники, адвокаты, университетские профессора – «работники мысли» – доктора и медики, – все принимаются очень охотно и пользуются даже особенным почетом. В Сиене, в настоящее время, место президента занимает проф. Аквероне, особенно отличившийся своими унитарными наклонностями во время предшествовавшей последней революции, тогда как большая часть его сотоварищей сильно подавалась на сторону *status quo*.

Сиенское ремесленное братство, вынужденное нетерпящими отлагательства обстоятельствами, взяло инициативу в деле учреждения комитетов *снабжения* или *предусмотрительности* (*comitati di provvedimento*); братства других итальянских городов пока еще не последовали его примеру, может быть потому, что другие города не так нуждаются в подобных учреждениях. В Сиене, благодаря ее отдаленному от какого бы то ни было коммерческого центра, и изолированному положению и плохому состоянию дорог, цены на самые необходимые для

¹⁵⁰ Краткое содержание басни Крылова: «Мужик гнал гусей продавать в город и при этом нещадно хлестал их хворостиной. Гуси громко жаловались на мужика прохожему, говоря, что нельзя так обращаться с птицами знатного рода, чьи предки Рим спасли. “А сами вы чем отличены?” – спросил прохожий. Гуси не могли припомнить за собой никаких полезных дел – знамениты были лишь их предки. Значит, сами “вы, друзья, годны лишь на жаркое,” – заключил прохожий».

¹⁵¹ Джузеппе Дольфи (Dolfi; 1818–1869) – видный флорентийский общественный деятель, масон.

ремесленников предметы подвержены очень сильным изменениям, в ущерб этим умеренным потребностям. Предметы, продающиеся оптом, закупаются, обыкновенно, немногим числом людей с капиталами, которые, при назначении им цены, при мелочной продаже, соображаются всего более с мерой необходимости их товара для покупателя, что совершенно в правилах политической экономии, но очень стеснительно для покупателей, тем более, что при ограниченности находящихся в обращении капиталов, здесь нет места для конкуренции. Цены на произведения окрестных деревень еще более подвержены случайностям. Чтобы оградить своих членов от подобных неудобств, здешнее ремесленное братство сочло нужным завести склад всех этих продуктов, из которого члены его могут иметь их по однажды установленной, очень умеренной цене. Деньги, необходимые на это предприятие, должны были быть набраны из продажи нескольких тысяч акций, по 1 франку каждая. Пока еще сумма эта не собрана, и предприятие существует в виде проекта. На одном из последних заседаний какой-то из членов, очень почетной наружности и одетый не как простой ремесленник, предложил просить воспомоществования у правительства, что тотчас же было отвергнуто всеми другими.

Кроме всех этих ассоциаций, в Италии очень распространены патриотические комитеты (*Comitati dell'Unità Italiana*). Цель этих ассоциаций – в очень неопределенной форме внутреннее единство королевства; напечатанные ими программы очень красноречивы, но туманны, и из них немного можно заключить о направлении этих комитетов. Они, впрочем, и не имеют одного, общего направления. Начались они с давних пор, в то время еще, когда мысль о единстве Италии была преступлением на большей части полуострова; тогда, конечно, существовали они в виде тайных обществ, были в тесной связи с Пьемонтом и с главными деятелями народного движения, которое они сами подготовляли всеми зависящими от них средствами. Тогда состояли они из очень небольшого числа людей, горячо преданных унитарным идеям, не имели никакого правильного устройства, но действовали с большим единодушием на общую пользу, не жалея ни усилий, ни издержек. Во Флоренции булочник Дольфи, о котором я говорил уже, был главным центром, вокруг которого собирались все, желавшие сколько-нибудь содействовать приближавшемуся перевороту. Он и теперь остался президентом всех тосканских комитетов, имеющих, как и ремесленные братства, своих президентов в каждом городе.

За тем комитеты эти в освободившейся уже чести Италии увеличились, так как уменьшилась опасность, висевшая прежде над каждым, бывшем с ними в каких бы то ни было отношениях. Все сколько-нибудь зажиточные люди считали своей обязанностью принадлежать к резидирующему¹⁵² в их городе комитету, хотя участие большего числа их членов ограничивалось аккуратным внесением в кассу ежемесячной платы (по 1 франку) и частными экстренными денежными пожертвованиями. Трудями некоторых, особенно деятельных, и на суммы, пожертвованные остальными, в Тоскане была организована бригада волонтеров, которой печальная участь во время командования ею полковника Джованни Никотера¹⁵³ вам, вероятно, известна. В Генуе, бывшей главным центром комитетов, образовано было две бригады, потом раскассированные по приказанию правительства, и отправленные отдельными партиями и обезоруженные в Сицилии, в непосредственное распоряжение ее тогдашнего директора.

Но едва прошли эти тревожные времена, деятельность комитетов итальянского единства потеряла свою прежнюю энергию и определительность, и их единодушие и согласие прошли также, на время может быть, пока снова обстоятельства не представят им более широкую и ровную дорогу. Во многих городах Италии они стали главным оплотом и рассадником оппозиции. Эти вошли в открытые сношения с Мадзини, и ходатайствовали в особенности о дозволении ему возвратиться на родину и о снятии с него смертного приговора. Министерство

¹⁵² Галлицизм: пребывающий, имеющий резиденцию.

¹⁵³ Джованни Никотера (Nicotera; 1828–1894) – политический деятель, с 15-летнего возраста член «Молодой Италии», основанной Джузеппе Мадзини; в объединенной Италии – министр внутренних дел.

и вся приверженная ему партия вследствие этого возненавидела их всей силой своих душ и помыслов; журналы, получающие *вспомоществование* от кабинета Рикасоли¹⁵⁴, наполнялись статьями против этих утопистов, мадзинистов, доктринеров, красных и пр. Некоторые из них, в слепом своем рвении, дошли до того, что объявили эти комитеты проданными Австрии, забывая, что имя их почетного президента Гарибальди должно бы было достаточно оградить их от подобного рода нападок: *Blinde Eifer schadet nur*¹⁵⁵. Нечего и говорить, что ни сами обвинители, ни их приверженцы вовсе не верят в истину своих слов.

О деятельности этих комитетов можно бы было сказать очень многое, но только не здесь, так как Сиенский не принадлежит к их числу.

О направлении собственно Сиенского комитета говорить трудно, так как он состоит из небольшого числа тех, которые не имеют никакого направления. Как и следовало ожидать от города, в котором так мало развита умственная жизнь, комитет этот существует больше для формы, нежели для чего-либо другого. Нельзя же в самом деле итальянскому городу оставаться без комитета. Напечатав в начале настоящего года очень запутанную программу, из которой меньше всего можно заключить что-либо о предстоящей их деятельности, члены его занялись очень интересными вероятно для них домашними распрями и взаимным обменом любезностей и комплиментов со стороны членов и распорядителей.

В первом заседании настоящего года я был представлен туда одним из членов. Заседание это было в очень невеликолепной зале дворца *dei Rozzi*¹⁵⁶, единственного здания в Сиене, гостеприимно растворяющего свои двери всякого рода публичным сборищам, не разбирая ни цели их, ни содержания. Оно заслужило особенное уважение всех сколько-либо благосмыслящих жителей Сиены, так как в его стенах сосредоточиваются все разнообразные увеселительные и торжественные учреждения этого города; в нижнем этаже театральная зала, где народный герой Стентерелло¹⁵⁷ поражает публику огненным потоком своего остроумия; в верхнем этаже бильярд, игорные комнаты, и наконец всего более знаменитая зала *dei Stuchi*¹⁵⁸, где каждое воскресенье по утрам собираются Сиенские *patres conscripti*¹⁵⁹, а по вечерам веселые толпы студентов, магазинных приказчиков, пользующихся случаем посидеть на одной софе со своими хозяевами, и вообще лица всех сословий, с единственным условием, чтобы они были прилично одеты, а в Италии вообще и в Сиене в особенности подобная оговорка вовсе нестеснительна. Предмет этих разнохарактерных вечерних собраний игра в *lotto tombola*¹⁶⁰, совершаемая с приличной случаю официальной торжественностью. Зала эта не поражает красотой и роскошью убранства и может вместить себе до 1000 человек, если 500 из них решаться устать или усесться на плечи остальных.

В одиннадцать часов утра, в первое воскресенье текущего января, я вошел в эту залу, где отдельными группами стояли и сидели человек около шести отборных граждан города; в дверях не было и подобия швейцара или сторожа, хотя в сенях красовалась маленькая будка с большими окнами и с надписью очень четкими буквами: *Custode*¹⁶¹.

¹⁵⁴ Беттино Рикасоли, иначе Риказоли (Ricasoli; 1809–1880) – политический деятель (дважды премьер-министр объединенной Италии), после упразднения Великого герцогства Тосканского в 1859 г. – генерал-губернатор Тосканы, назначенный королем Виктором-Эммануилом II.

¹⁵⁵ Слепое рвение только вредит (*нем.*).

¹⁵⁶ В действительности – Академия дей Роцци, престижное культурное учреждение Сиены, основанное в 1531 г. (первоначально: Конгрегация дей Роцци).

¹⁵⁷ Stenterello – персонаж-маска итальянской комедии дель арте, возникший во Флоренции в XVIII в. Подробнее о нем автор рассказывает ниже.

¹⁵⁸ Зал с лепниной.

¹⁵⁹ Букв.: набранные отцы (*лат.*) – термин римского государственного права, обозначавший сенаторов.

¹⁶⁰ Лотерея «томбола», игра в лото.

¹⁶¹ Сторож, охранник; итальянизм: «кустод».

«Скажите, пожалуйста», обратился я к одному из членов, которого физиономия показала мне всех больше сообщительною, и мучимый тем, что меня никто не спрашивает, по какому праву я сюда забрался: «кому я должен представить этот билет?»

Член поговорил со своими сотоварищами.

– Никому, – отвечал он мне очень учтиво, делая вид, будто приподнимает на голове свою шляпу.

«Таким образом я не рискую по крайней мере ошибиться», подумал я про себя.

Между тем еще человек 5–6 вошли в залу и разместились на расставленных вдоль стен диванах и стульях. На одном из концов залы, за столом, покрытым зеленым сукном, под гипсовым бюстом короля, украшенным двумя итальянскими флагами, уселся президент и по обеим его сторонам по два старика, очень седых и очень хилых. Из них один только живописец Муссини¹⁶², директор здешней академии художеств, был мне знаком. Президент снял шляпу и заседание открылось. Комитет имеет двух секретарей, но из них ни одного не оказалось на лицо, а потому президент попросил одного из членов исправлять на время этого заседания секретарскую должность. Какой-то господин, во цвете лет и в очень хорошеньком пиджаке, торопливо вскочил со стула и сняв шляпу, уселся налево от старичков, сидевших налево от президента. Минут пять продолжалась довольно упорная борьба любезностей: президент упрашивал импровизированного секретаря надеть шляпу, тот великодушно отказывался от этого вежливого предложения и наконец победил противника, то есть оставшись без шляпы, принялся читать *processo verbale*¹⁶³ предыдущего заседания, бывшего гораздо интереснее того, на котором я присутствовал, и даже многих других, на которых мне присутствовать не случилось. Это предыдущее заседание было одно из самых замечательных заседаний Сиенского унитарного комитета: на нем было решено учреждение на счет комитета вечерних классов для ремесленников, так как ремесленное братство не имело возможности само этим заняться.

Классы эти разделены на два разряда: один для ничего незнающих, другой для знающих очень мало; но в состав их обоих входят только предметы самой строгой необходимости, как, например, грамота, арифметика и пр. Об учреждении этих классов было объявлено еще прежде через посредство маленького воскресного листка, издаваемого комитетом для простого народа. Издание это стоит быть упомянутым: статьи в нем написаны очень удобопонятно и с большим толком, так что из них самый необразованный ремесленник может приобрести совершенно удовлетворяющие его сведения о внешней и внутренней политике дня. Продается он по всем доступной цене – по 1 сантиму (1/4 копейки серебром) за лист.

Кроме политического обозрения, газета эта печатает разные нравственные статейки, за которые впрочем нельзя особенно похвалить ее редакцию. Мне кажется, что цель была бы лучше достигнута, если бы вместо их читателям доставлялись научные сведения, часто очень для них необходимые. Я говорил об этом с одним из членов комитета – дирижующего, как я сказал уже, это издание; он объявил мне, что они так боятся теснее познакомить народ с отечественной историей, что решились вовсе не помещать статей научного содержания, так как в таком случае читатели живо почувствовали бы недостаток именно этой их отрасли и могли бы обвинить за это редакцию.

Страх этот очень понятен в Италии, где гордый поденщик слишком хорошо знаком с историей своего города, понимаемой им по-своему; а из этого выходят очень неутешительные последствия, о которых я говорил выше. Комитету, имеющему целью слитие в одно политическое тело всех провинций полуострова, конечно не к стати бы было напоминать те времена, когда все они были заклятыми врагами друг другу. Но с другой стороны, знакомя народ с историей всей Италии, а не только их отечественного города, выставляя ему постоянно на вид то

¹⁶² В Сиене было два брата-художника Муссини: Чезаре и Луиджи; директором Академии художеств был последний.

¹⁶³ Протокол.

зло, которое было порождено этими мелочными ссорами, разъярившая ему великие мысли героев итальянской народности и показывая ему тут же насколько они выше пресловутых квасных патриотов, не видящих ничего за пределами того маленького уголка, в котором они родились, – мне кажется, можно бы было добиться совершенно противоположных результатов.

Но как ни неполны и несовершенны эти попытки народного образования, нельзя не пожелать им самого полного успеха, тем более, что это лучшая часть деятельности Сиенского патриотического комитета, проводящего остальное время в ссорах и занятиях в роде тех, которых мне пришлось быть свидетелем.

Скажу мимоходом, что их самое рутинное дело – вспомоществование римским и венецианским эмигрантам и инвалидам гарибальдийского войска, которые до сих пор не получили еще ничего от установленного ими правительства, кроме самых блестящих надежд на будущее.

Я несколько не отрицаю пользы, приносимой Италии вообще и этим несчастным в особенности щедротами комитетов; но с трудом понимаю, как могут итальянцы двух неосвобожденных еще провинций считаться эмигрантами в других, счастливее поставленных частях своего отечества. Итальянское правительство, вынужденное конечно необходимостью, поступает довольно круто со своими *неприсоединенными еще* подданными. В начале нынешней войны, им издан был декрет, лишаящий права на вспомоществование тех из них, которые способны к военной службе и не записываются в волонтеры. Способ, как видите, несколько насильственный, к увеличению рядов войска.

Отчет об этих действиях комитета прочтен был несколько дребезжащим голосом господином в коротеньком пиджаке; но так как его слушали очень немногие, то этот недостаток вокализации остался незамечен.

Я хотел было представить вам в полной картине первое заседание Сиенского комитета в настоящем году, но оно было так неинтересно и скучно, продолжалось так долго, что я рассказываю в своем намерении: *Seggio*¹⁶⁴, состоящий из президента и 4-х старичков, сидевших по обеим сторонам, и управляющий делами комитета, вздумал обидеться тем, что управление его было строго контролируемо собранием и изъявил желание выйти в отставку. Члены со своей стороны вовсе не желали новых хлопот по поводу избрания ему преемников, и энергически протестовали против отставки. Какой-то из университетских профессоров выступил оратором со стороны собрания и объявил, что не считает ни президента, ни товарищей его вправе оставить управление делами комитета до истечения положенного на это срока. Президент опровергал это положение с большим жаром; спорили, горячились, прибегали несколько раз к подаче голосов и разошлись на том, что президент и его товарищи требуют отставку, а члены не дают им ее. Вопросы о школах и об эмигрантах были отложены до следующего раза, то есть до 2 февраля.

Обидчивый президент Сиенского комитета – вместе с тем и профессор здешнего университета – Феррари; но я не знаю, какую кафедру он занимает. Единственная черта из его жизни, отличающая его очень резко от остальных его собратий та, что со времени падения великогерцогского правительства в Тоскане он не написал еще ни одной патриотической брошюры во славу министерства Рикасоли и доблести своих соотечественников. До того же времени, он слишком много дней проводил в тюрьме и в крепости, и потому ему некогда было заниматься литературой.

Председательство его пока еще слишком кратковременно; сказать о нем можно очень немного, кроме того, что он ознаменовал свое вступление в должность циркуляром к Сиенским гражданам, в котором он приглашает всех их принять участие в комитете без различия партий и оттенков *purché vogliano l'Unità d'Italia* («лишь бы только они стремились к единству

¹⁶⁴ Здесь: комиссия.

Италии»). До него министерская партия преобладала и всякого рода гонения обрушивались на головы оппозиционеров.

Несмотря однако же на это, министерство вовсе неблагоприятно смотрело на Сиенский комитет, может быть не зная его исключительного направления и смешивая его с комитетами других городов Италии. Впрочем настоящий кабинет с очень определенными централизационными наклонностями не может благоприятно относиться ни к какому комитету, хотя большая часть их не представляют ничего противозаконного и враждебного правительству и существующему порядку. Комитеты эти, и даже самые оппозиционные из них, главная опора правительства, желающего единства Италии и прежде всего внутреннего единства, так как политическое и административное вытекают из этого, как прямое последствие.

Не знаю, сознает ли это министерство, но во всяком случае оно видит врагов себе во всяком подобном учреждении, потому что оно не хочет допустить, чтобы благо Италия происходило из какого бы то ни было другого источника, кроме как из министерского управления.

В Италии много существует других ассоциаций, о которых я надеюсь поговорить *en temps et lieu*¹⁶⁵: все они в довольно тесной связи между собой и общий всем им президент Гарибальди. Но в Сиене их нет, а я исключительно намерен был говорить о Сиене.

Из нескольких слов, сказанных мною о ремесленных братствах и о комитетах этого города, можно заметить, мне кажется, существенную разницу в их образе действий и в направлении. На всякий случай укажу ее без обиняков; первые отличаются исключительно практическим направлением; заседания их не так красноречивы, но почти всегда приводят к каким-либо положительным результатам; их администрация по необходимости многочисленнее, но вовсе не так сложна, как очень малочисленная администрация последних. Комитеты более падки на рассуждения, на теории, на общие вопросы. Дело в том, что братства состоят по преимуществу из ремесленников, хотя ученый народ и допускается в них с охотой, тогда как комитет по преимуществу дело профессоров и адвокатов.

Те времена, когда Сиена была ученым городом, прошли давно и осталось от них только несколько громких имен да собрания научных предметов, расхищенных в разные времена. Самый университет едва не был закрыт по проекту г. Де Санктис¹⁶⁶, теперешнего министра народного просвещения. Сиенская городская община спасла его от конечной гибели внесением в его кассу нескольких десятков тысяч франков, не достававших на его содержание; но и это великодушное приношение не помогло ему выбраться из того униженного состояния, в котором он теперь находится. Я обещал не говорить о покойниках, но это покойник такого знаменитого рода, что о нем, право, можно сказать несколько слов, да к тому же он и не совсем еще умер.

Во всей Европе, и даже в самой Италии, очень распространено мнение, будто все без исключения итальянские университеты происхождением своим обязаны германским императорам. Некоторые очень положительные исторические данные, касающиеся учреждения и первых веков существования Сиенского университета – свидетельствуют вовсе не двусмысленно, что если положение это и справедливо для других университетов, то Сиенский составляет на этот раз блестящее исключение, как порождение вполне свободной городской общины.

Говорить об Италии и не говорить о городской общине – *municipio comune* – дело почти невозможное, так как все административные и политические учреждения этой страны или прямо, или косвенно относятся к общине, и в слишком многих случаях ее непосредственный продукт; призрак этой общины постоянно пред глазами барона Рикасоли и его централизованного кабинета, он сдерживает все их порывы и представляет может быть непреодолимое препятствие к достижению их цели. Даже самые позднейшие итальянские учреждения, ремес-

¹⁶⁵ Когда-нибудь в своем месте (*фр.*).

¹⁶⁶ Франческо Саверио Де Санктис (De Sanctis; 1817–1883) – литератор, политик.

ленные братства, например, во многом схожие с подобными же ассоциациями других стран Европы, во многом другом представляют очень резкие особенности, в которых живо чувствуется влияние уже отживших корпораций и общин. Я зашел бы может быть слишком далеко, если бы стал продолжать об этом очень интересном предмете, а потому и перехожу прямо к тому из учреждений этой общины, которое и до сих пор сохранило еще хотя очень слабые признаки жизни, – и да простят мне читатели, если я вдамся в некоторые исторические отступления.

Словом университет – *Università* – с очень давних пор назывались в Италии ремесленные, художнические и ученые корпорации, в состав которых входили все лица, занимавшиеся одним каким-либо ремеслом, и живущие в пределах одной какой-нибудь республики или города; таким образом, там были университеты столяров, сапожников, плотников, граверов и проч. Школы же, с самого начала владычества варваров в Италии, существовали при монастырях, при епископских дворах, но не имели никаких почти сообщений между собой, не составляли корпорации. Так было, пока епископы управляли страной, нося имя завоевателей, и потом, когда аристократические общины стали в главе правления. Произвол администраторов был в полной силе, а потому не было необходимости ни в каких законах.

Но с началом XIII века в городах средней Италии появился совершенно новый класс народонаселения, приобретающий всё более и более силы и наконец одолевший и варваров и аристократическую общину; класс этот составляли купцы, обогащенные торговыми сношениями с Венецией и Грецией, а впоследствии с Францией и с Востоком. Едва община эта – *del popolo magro*¹⁶⁷ – овладела управлением страны, отрывочные постановления варварских императоров, которым в виде связи или основной мысли служил произвол администраторов, – потеряли всякое значение и живо стал чувствоваться недостаток рационального законодательства. Остатки римского права, сохраненные духовенством, были слишком искажены им и не представляли к тому же ничего целого, могущего послужить основанием для новой юриспруденции. Тогда городская община решилась на собственные средства завести школы для специального изучения римского права, уже не в виде ряда отрывочных постановлений. Для этого нужно было преобразовать существовавшие уже элементарные школы, установить правильную последовательность в предметах в них преподаваемых, и следовательно подчинить их одну другой, соединить их в одно целое ученое тело. Это соединение всех школ, с специальной целью возрождения римского законодательства, названо было: *Università delle Scole*, или *Università degli Studj*.

Первый, появившийся таким образом университет – был в Болонье; затем образовался подобный в Сиене, имевшей в то время больше возможности, чем Флоренция, заняться своим внутренним устройством, и стоявшей во главе тосканских республик.

Уже много позже, когда вся Тоскана была в руках великих герцогов Лотарингского дома, Сиенский университет начал много терпеть от Пизанского, обладавшего гораздо большими средствами и посему поставленного в несравненно выгоднейшее положение. Из Сиены мало-помалу стали переходить в Пизу лучшие профессора и большое число студентов; затем были перенесены туда же целые факультеты: философский и юридический, потом и математический, так что в Сиене остался в полном составе только медицинский и богословский; остальные же существовали (да и теперь существуют) в виде сукурсалий¹⁶⁸ Пизанского, так что в них читается только низший лицейский курс, и на получение докторского диплома сиенские студенты должны прослушать в Пизе три года университетский курс и там же держать экзамен. Вследствие этого Сиенский университет стал пустеть мало-помалу, и теперь в нем едва восемьдесят человек студентов по всем факультетам и разрядам.

¹⁶⁷ «Тощий народ», в противовес «popolo grasso» – крупной протобуржуазии.

¹⁶⁸ Филиалы.

Тосканские великие герцоги оставляли без внимания этот университет и доходы его значительно поуменьшились, так что в настоящее время, несмотря на значительно уменьшившиеся расходы, доходов, получаемых Сиенским университетом с подаренных ему в разные времена сиенскими патриотами имений, не хватало уже на его содержание. Министр Де Санктис, подавший проект совершенного преобразования итальянских университетов, предложил Сиенскому или быть раскассированным, или содержаться без вспомоществования со стороны правительства. Городская община решила этот вопрос, приняв на себя пополнение ежегодного дефицита.

Благодаря этому великодушию Сиенского муниципалио, умственная жизнь города не совсем еще умерла, хотя и находится в очень жалком состоянии. В течение очень короткого промежутка времени в Сиене закрылось несколько типографий, и остальные вряд ли бы удержались, если бы не то, что последний политический переворот вызвал здесь несметное количество брошюр, которые хотя мало находят читателей, но заслуживают самой искренней благодарности со стороны содержателей типографий.

Периодическое издание, кроме еженедельного листка для народа, о котором я уже говорил, здесь только одно, Бог весть почему называемое «*La Venezia*», скромно перепечатывающее вчерашние новости из флорентийских газет и существующее почти исключительно доходами с объявлений, печатаемых на ее четвертой странице. Нечего и говорить, что газета эта и тени не имеет какого бы то ни было направления, хотя и подкуривает порою услужливый фимиам кабинету, в надежде попасть на его содержание. И дай ей успеха все святые покровители города Сиены и журналистики вообще!

Среди мелкой работничьей жизни города, сиенским студентам очень трудно было бы отстоять себя, как корпорацию, и они поддались вполне влиянию окружающей их среды, вместо того, чтобы оказывать на нее свое влияние. Профессора нашли себе довольно обширное поле деятельности в ремесленных братствах и в комитетах, которых они составляют как бы зерно. Студенты же, не принадлежащие ни к одной из этих ассоциаций, должны были устроить почти подобное братство между собой, что они и сделали в начале настоящего года. Подобные же ассоциации студентов учреждаются и в других итальянских городах, и от их развития можно ждать очень многого; но пока всё это еще существует в виде предприятия.

В Италии подобные ассоциации не новость; они существовали там много лет тому назад, под названием академий. Вам, конечно, известно, что под этим словом в Италии разумеются всякого рода собрания, если не ученых, то по крайней мере благовоспитанных людей. В Сиене было несколько таких академий; все они прошли, и две самые замечательные из них: *de' Ravivati* и *de' Rossi*, оставили следы своего присутствия.

Трудами последних был учрежден здесь публичный кабинет для чтения – единственное заведение в этом роде целой Сиены. В нем находится очень порядочный выбор итальянских и французских газет и несколько отдельных сочинений и брошюр по преимуществу Сиенских авторов.

Этим же академиком *Rozzi* Сиена обязана существованием в ней народного театра, где Стентерелло, комический представитель тосканцев, потешает публику своими импровизированными остротами.

Вам, конечно, известно, что каждая из итальянских провинций имеет свою народную маску, в которой когда-то выражалась в карикатуре характеристическая особенность ее народонаселения. Так, например, Ломбардия имеет арлекина, грубого и плутоватого буламасского мужика, Венеция – Панталона и Факканацца, болтунов и трусов, скупых на всё, только не на слова, и постоянно мешающихся не в свои дела; Неаполь – Пульчинелла – тип слишком хорошо известный повсюду, акклиматизировавшийся во Франции под исковерканным прозвищем Полишинеля, в России – под именем Петрушки. Теперь все эти разнохарактерные типы слились в сущности в один, хотя и сохраняют свои различные названия. Каждая труппа

актеров имеет непременно одного или двух актеров на эти роли; они и вне сцены постоянно сохраняют название роли, которую играют каждый вечер. Без них не обходится ни одна пьеса, какого бы содержания она ни была; в переводные непременно вносится лишняя роль для них; в известной французской драме «Серафима Лафайль»¹⁶⁹, где героиня встает из могилы, Стентерелло играет роль могильщика, а иногда вора, пришедшего обкрадывать трупы. В мольеровских комедиях, очень часто даваемых на итальянской сцене, первая комическая роль Мамарсель или Сганарель, тоже переделывается на Стентерелло или на Арлекина, смотря по городу. Переделки эти обыкновенно мало стоят трудов переводчикам, так как они только означают главные положения, в которых находится комический герой по отношению к остальным персонажам; вся же роль исключительно остается на ответственности актера, который в большей части случаев импровизирует ее. Бо лыбая же часть оригинальных итальянских комедий вертятся на главной комической роли и успехом своим бываюи обязаны главному комику, а вовсе не автору. Между этими актерами попадаются первоклассные дарования: Лаблаш¹⁷⁰ начал свою артистическую карьеру на сцене дешевого неаполитанского театра Сан Карлино, откуда его вывел импресарио королевского театра Сан Карло.

Участь этих несчастных комиков самая жалкая; жалованье получают они очень незначительное и должны каждый вечер потешать публику, которая к ним в особенности строга. Во времена велико-герцогского правления, эти Стентерелло проводили по крайней мере половину своего времени в тюрьме; им достаточно было простой двусмысленности или какого-нибудь неосторожного намека, чтобы попасть наконец на казенные хлебы. С этой стороны положение их очень много улучшилось; правда, и теперешние кодины представляют очень ловкую цель их острогам.

В их игре очень важную роль играет жестикуляция, и у некоторых она переходит в простое и бессмысленное кривлянье; очень немногие умеют удерживаться в надлежащих пределах и создать действительно комический и чисто итальянский характер.

Народный театр в Италии посещается только чернью и самыми низшими классами буржуазии. Люди «порядочные» считают посещение его для себя неприличным и предпочитают очень плохую обыкновенно оперу. В Сиене для музыки есть другой театр, называемый «Большой», вероятно сравнительно с театром марионеток, так как зала его одна из меньших зал в Италии, где, как известно, мало больших театров.

Опера в Сиене идет только во время рождественских святок и карнавала, но и в этих случаях она не отличается хорошим и полным составом. Флорентийские театры летом иногда осчастливливаются появлением европейских знаменитостей; всё же остальное время года театры всей Тосканы угощают свою публику новыми музыкальными произведениями непризнанных гениев, гостеприимно принимают несчастных артистов и артисток, которым не посчастливилось в других городах Италии. Зато они отличаются баснословно дешевой платой за вход. Ложи не имеют определенной цены и продажей их редко заведуют театральные кассы. Аристократические семейства имеют свои абонированные ложи в лучших театрах; ложи занятые таким образом или остаются пусты всё время театрального сезона, или продаются лакеями гостиниц иностранцам. Итальянцы же обыкновенно входят в партер, и то не покупают кресла, а ограничиваются платой за вход.

В Сиене опера посещается мало; это объясняется жалким составом тамошней труппы. Я говорил уже, что Сиена славится мужескими голосами, но в этом городе очень мало средств к развитию музыкального дарования, а потому юноши, подающие надежды, с ранних пор отправляются в филармонические заведения во Флоренцию или в Неаполь, и потом уже не

¹⁶⁹ Популярная в середине XIX в. французская мелодрама «Серафима Лафайль» О. Анисе-Буржуа и Г. Лемуана; на русской сцене имя героини было русифицировано как Серафима.

¹⁷⁰ Луиджи Лаблаш (Lablache; 1794–1858) – оперный певец (бас).

возвращаются в родной город, придерживаясь вероятно изречения: «не славен пророк в отечестве своем». Лучшая из итальянских примадонн сопрано, маркиза Пикколомини¹⁷¹, родом из Сиены; но она только один раз в жизни пела на сцене здешнего Большого театра, и то по поводу очень торжественного случая – приезда короля Италии во вновь присоединенный к его владениям город. Пикколомини пела несколько народных гимнов, и, говорят, совершенно очаровала воина итальянской независимости. Впрочем, в настоящее время певица эта не принадлежит уже к театральному миру, так как она оставила сцену, выйдя замуж за какого-то очень аристократического и очень католического барона.

Как ни бедны театры эти, – это единственные публичные увеселительные заведения в Сиене, где нет ни одного воксала, или даже публичного сада, где бы собирался народ и играла музыка. Большой загородный луг, обсаженный тощими деревьями, единственное здесь общественное гулянье, но его по преимуществу посещают няньки с детьми, да уличные мальчишки, играющие в орлянку на протоптанной траве. Достигнув совершеннолетия, сиенские жители теряют всякую любовь к загородным увеселениям и проводят в кофейных всё свое свободное время, где, заплатив 15 сантимов за стакан пуншу, они сидят по целым часам, наслаждаясь приятной беседой и чтением по преимуществу министеральных журналов.

В Сиене кофейные однако же вовсе не играют такой роли, как в жизни других итальянских городов. Правда, что они с утра до ночи полны народом, и что очень многие проводят в них всё свое время. Множество молодых людей, более или менее щегольски одетых и с очень строгими профилями, посвящают всю свою жизнь тому, чтобы из-за стеклянных дверей или из-под навесов *Caffè Greco* лорнировать проходящую мимо публику. Чем живут они, чем заплатили за свои кофейного цвета сюртуки и за красивые галстуки? Это такая загадка, что никакой Эдип не разрешит ее в настоящее время. Гордо и презрительно смотрят они на все и на всех, только в географии обладают самыми поверхностными знаниями. Эта «молодая Италия» – продукт чисто неаполитанский, хотя очень распространенный по всему полуострову. Во всех других итальянских городах они занимаются по крайней мере деланием долгов, беганьем по балам и по театрам и там они составляют существенную часть городского народонаселения. Но что делают они в Сиене, где условия кредита понимаются совершенно по-своему, где только во время карнавала бывают два-три маскарада, и то битком набитые ремесленниками *endimanchés*¹⁷² и их женами – публика, с которой очень неохотно мешаются эти доблестные потомки Брутов, Кассиев и пр. Очень нетрудно представить себе ту степень уважения, которой пользуются они со стороны мелких тружеников, составляющих главную часть сиенского народонаселения; эта возможность ничего не делать уважается бедными тружениками превыше всяких добродетелей и доблестей. В самом деле, из-за чего бьется какой-нибудь несчастный факин¹⁷³, или чиновник префектуры, как не из-за того, чтобы достать себе средства жить без особенно тяжелых лишений. И чего только не переносит он для достижения этой цели. А тут перед его глазами человек, бедняк такой же, как и он, живет себе насвистывая и припеваючи и ни в чем не терпит недостатка. Будь эти господа наследники богатых семейств, издерживай они то, что с большим трудом накопили их деятельные отцы и праотцы – тогда другое дело: каждый кучер, везущий их в своей дребезжащей колясочке, каждый мальчишка, плетущий из тонкой кожи ботинки, завидовали бы им и льстили бы пожалуй в глаза, но в душе они презирали бы их, нравственно ставили бы себе несравненно выше этих беззаботных щеголей; весь бы город знал цифру каждого счета, назначенного им портному. Но юноши, о которых говорю я, кроме более или менее звучных имен, не получили никакого наследства; с детства они не

¹⁷¹ Мариетта Пикколомини (Piccolomini; наст. имя: Мария Тереза Виоланте Пикколомини Клементини; 1834–1899) – оперная певица (сопрано). Титул маркизы получила уже после замужества, в 1860 г., вступив в брак с маркизом (но не бароном, как ниже у Мечникова) Франческо Каэтани делла Фарнья.

¹⁷² Одетый по случаю праздника (*фр.*).

¹⁷³ Итальянизм: *facchino* – грузчик, носильщик.

учились ничему и всякого рода знания считают совершенно излишним бременем для своих аристократических голов. Они такие же пролетарии, такие же промышленники, как и вся эта суетящаяся вокруг них чернь.

Только чем промышляют они в Сиене, сидя целый день в кофейных и в бильярдных? Игра в итальянских городах очень плохой источник дохода, а в особенности в Тоскане: здесь слишком дорого достается каждая копейка, и мало находится охотников рисковать, менять птицу в руках на журавля в небе. Бильярды здесь только по вечерам собирают вокруг себя довольно многочисленную публику, но это все молодые ремесленники, играющие из чести, или редко на чашку кофе или стакан пуншу. Игорные дома запрещены, т. е. правительство сохраняет для себя монополию азартных игр. В карты играют иногда в залах казино или в академии Росси, но играют почтенные старцы, не рискующие более как полуфранком в вечер. Законы против шулеров строги, да и не нужны вовсе, так как единственный способ вытащить деньги из кармана у сенеза – это остановить его ночью с ножом на большой дороге, на что находится очень много охотников, но надеюсь, что шегольские «заседатели» кофейных не принадлежат к этим почтенным корпорациям. Чем же живут эти господа? Не знаете ли вы, – но я ей-богу не берусь решить этот трудный вопрос. Да не знаю, стоит ли он труда быть решенным. Это то гнилое поколение, которое черным пятном лежит на всех европейских обществах. Я не думаю, чтобы для поддержания своего, никому ненужного существования, они решались на преступление; но самое существование их в Италии в настоящее время само по себе уже преступление, хотя – основываясь на Данте, – можно предположить, что они с давних пор водятся в этой благословенной стране.

В аду своем Данте очень удачно поместил их души: они не стоят даже наказания и снуют по берегам Коцита¹⁷⁴ так же, как при жизни, вместе со своими земными оболочками, бродили по набережным Арно во Флоренции, по площадям близ *Caffè Greco* в Сиене. Не упомянуть о существовании их я не мог; но надеюсь, что впредь говорить мне о них не придется. Может быть и они имеют свой смысл и значение среди разнообразных слоев итальянского общества, может быть и их существование не совсем бесполезно и пусто, – но я не настолько тонкий наблюдатель и не настолько глубокий философ, чтобы понять эти сокровенные тайны мироздания¹⁷⁵.

Из Сиены

Письмо первое

Ноябрь и декабрь, 1861 г.

Сиена – один из тех уголков, живя в котором плохо знаешь, что делается на белом свете. В стороне от пути, обыкновенно пробегаемого иностранцами в Италии, она вполне сохранила свою самобытность и мирно живет себе, погруженная в свои муниципальные интересы, никого не занимая своим существованием и сама мало занимаясь тем, что делается вокруг нее.

Из больших городов Италии, которые живут почти исключительно иностранцами, один только Рим сохранил еще свою оригинальность, и эта общая черта придает Сиене некоторое сходство с Римом, так что многие путешественники, посетившие ее на пути из Рима во Флоренцию, утверждают, что Сиена по характеру чисто римский город и только по географическому положению принадлежит Тоскане. О Тоскане же судят они или по Флоренции, которая совершенно преобразовалась сообразно вкусам наводняющих ее англичан, или по Ливорно,

¹⁷⁴ У Данте – Девятый круг Ада, замерзшее озеро; от греч. Кокитос – река плача, приток Стикса.

¹⁷⁵ Опубликовано в: «Современник», № 2, 1862.

потерявшему всякий отпечаток народности среди своей космополитической кипучей деятельности портового города.

Помирить эти два противоречащие мнения можно бы, сказав что Сиена город *итальянский*; но это была бы фраза. Много еще нужно лет политического и административного единства Италии, чтобы все разнохарактерные ее муниципальности слились в одно целое.

Сиена, и по географическому своему положению в середине почти провинции, и поговору, и по характеру, и по физиономии жителей – город чисто тосканский и настолько же имеет право гордиться своим этрусским происхождением, как и самый Фьезоле; римского в ней только волчица на площади *dei Tolomei*¹⁷⁶, да множество всякого рода и вида попов; да пожалуй еще гористые узкие и кривые улицы: только в итальянских городах это не может служить характеристическим признаком.

Как всякий итальянский городишко (а часто и деревня) Сиена имеет свои археологические и художественные достопримечательности. Собор ее пользуется большой репутацией, и почтенный г. Рипетта о нем одном написал очень длинное сочинение. Не знаю, много ли находится охотников читать описание этого чуда архитектуры, но смотреть на него приезжают немногие и то не дальше как за сорок миль окружности.

В те отдаленные времена, когда Сиена составляла отдельную республику, она горячо отстаивала свою независимость против гораздо сильнейших ее соседей; пользуясь внутренними раздорами Флоренции, она даже открыто соперничала с нею во многих отношениях, гордо отвергала содействие флорентийских художников при сооружении своих дворцов и церквей, но туземного по части живописи произвела она одного Содома (XVI века), художника далеко не первоклассного, но отличавшегося кровавой ненавистью к пизанцам и флорентийцам. Сиенский университет в течение многих столетий, вместе с Пизанским и Болонским, первенствовал в Италии; теперь в нем едва 150 человек студентов, и от тех гораздо больше выигрывают содержатели кофеен и бильярдных, нежели нравственное развитие страны.

Сиена по преимуществу город работников, но и в промышленном отношении не производит ничего замечательного. Узкие и кривые ее переулки с утра до ночи кипят ремесленниками; стук молотков, крики разносчиков, всё сливается в один несвязный гул. Праздные толпы попов составляют контраст с этой кипучей деятельностью.

Грубые кожаные изделия, глиняная посуда, резные работы из дерева, – вот продукты ее промышленности; ими она снабжает половину Тосканы, Маркий и Умбрию. Окрестности ее производят лучших почти в целой Италии быков, и для сбыта их в Сиене учреждаются ежегодно две ярмарки: одна весной, другая осенью, но не в определенные сроки. Маремма присылает туда своих пресловутых клепперов¹⁷⁷ и ломовых лошадей.

Сиенская глина пользуется также большой известностью, но в выделке из нее посуды Прадо и Пистойя сильно соперничают с Сиеной.

Во время последнего переворота в Италии, Сиена мало выказала энтузиазма. Многие из ее работников оставили свои семейства и мастерские, и отправились в ряды волонтеров; но всё это они сделали как-то молча, без торжественных спичей и демонстраций. Когда первый король Италии проездом из Флоренции посетил Сиену, сиенцы зажгли бедную иллюминацию, национальная гвардия в парадных мундирах встретила его у дебаркадера и проводила плохой музыкой до *Palazzo del governo*¹⁷⁸. Вечером толпы возвратившихся из посада ремесленников ходили вокруг дворца, громко распевая своими мужественными голосами итальянский перевод *марсельезы* и другие гимны свободы. А наутро снова молоток застучал в наковальню, и

¹⁷⁶ Имеется ввиду столб с «римской волчицей» и братьями Ромулом и Ремом; согласно сиенскому преданию, город был основан Ромулом. «Римская волчица» помещена также на герб Сиены.

¹⁷⁷ Подпорода лошадей, в прошлом ценящаяся для сельскохозяйственных работ и для городской езды.

¹⁷⁸ Дословно: Правительственный дворец – городская ратуша, более известная как Palazzo Pubblico.

всё пошло так как будто не случилось никакой особенной перемены, как будто *Babbo*¹⁷⁹ по-прежнему заседал в своих великолепных апартаментах двора Питти во Флоренции.

Сиена была впрочем в исключительном положении: она всё выигрывала с переменой правительства, а существенного не терял в ней при этом никто. Роскошь великогерцогского двора не имела никакого влияния на благосуществование ее жителей; в ней не было ни привилегированных придворных рабов, ни аристократических семейств, ни придворных лакеев. Между тем немецкая администрация стесняла до известной степени развитие ее вольных ремесленных братств; большие налоги и подати тяжелым гнетом лежали на плечах контадина¹⁸⁰ и пролетария. Высшее общество здесь состоит преимущественно из поземельных владельцев Кортоны, Валь-ди-Кьяны и других прилежащих мест.

Эти *gentilshommes campagnards*¹⁸¹ мало выказывали приверженности к роскоши и великолепию двора, от которого им было ни тепло ни холодно; интересы их тесно связаны с участью контадинов и только духовные остались горячими партизанами падшего порядка.

Едва освободилась Сиена из-под отеческой власти Леопольда, которого народ в шутку называл *Babbo* (батюшка), намекая на его семейные наклонности, которые он постоянно выказывал публично при всяком удобном и неудобном случае, существенная часть ее народонаселения, работники, почувствовали себя гораздо лучше. Прежние благочестивые монашеские ордена исчезли со сцены окончательно; из *благотворительных* учреждений уцелело только братство милосердия, *Misericordia*, с давних пор очень распространившееся во всей Тоскане, и умевшее сохранить свой истинный евангельский характер тем удобнее, что оно мало подвергалось влиянию клерикалов. Но главная польза, извлеченная итальянскими городами вообще из последнего переворота, есть появление Ремесленных Братств (*Fratellanze artigiane*) и Обществ взаимного вспомоществования между рабочими (*Società del mutuo soccorso fra gli artigiani*).

Главное обвинение, тяготеющее над этими многострадальными братствами, заключается в предполагаемой приверженности к Мадзини. Главным председателем всех братств и комитетов значится Гарибальди; но имя его плохо защищает заочно председатели им собрания. Горячие приверженцы министерства могли бы понять без больших усилий, что существующий порядок слишком дорог Италии, что он куплен кровавой ценой, и что наконец он удовлетворяет потребностям страны, если и не вполне – при каком порядке не бывает недовольных? – то по крайней мере большей частью. Сиенские рабочие понимают это лучше кабинетных мыслителей. Кроме того, пророк и триумvir 48 года далеко не пользуется той популярностью в Италии, как в те дни, когда на него были возложены все надежды на независимость, на благосостояние края. В политических делах удача – главное; а ее-то и не было на стороне Мадзини. В 1849 г. он не спас Италии, он обманул возложенные на него надежды. Противники Мадзини ценят его выше нежели самые его приверженцы: эти давно поняли, что Мадзини теоретик, догматик, но далеко не практический деятель.

В настоящее время у Мадзини нет собственно партии в Италии; у него есть друзья. Так называемые мадзинисты теперь не что иное, как оппозиция, более разумная и энергическая нежели оппозиция кодинов, а разумная оппозиция не лишняя ни при каком порядке вещей. Как бы ни было популярно правительство, всегда найдутся люди, которые будут спрашивать у таинственной феи Беранже, куда запрятала она свою волшебную палочку?

Нечего и говорить, что между рабочими мало найдется приверженцев Мадзини. Им нет дела до доктрин. Если между членами ремесленных братств и находится много имен, когда-то стоявших в списках «Молодой Италии», то это легко объясняется тем, что очень недалеко

¹⁷⁹ Великий герцог Леопольд. – Прим. автора.

¹⁸⁰ Итальянизм: contadino – крестьянин.

¹⁸¹ Сельские джентльмены.

еще то время, когда всякий благомыслящий итальянец, не продававшийся утеснителям, был мадзинистом.

Цель ремесленных братств вовсе не благотельствовать, давать приюты нищим и убогим. Их задача – развивать итальянскую промышленность; в этих видах они выдают денежные вспомоществования работникам, которые обременены семейством и принуждены часто, перебиваясь со дня на день, производить не столько, сколько они произвести могут. Братства эти назначают премии, противодействуют монополиям и привилегиям, дают молодым работникам средства посещать особенно замечательные по части их специальности заводы и фабрики, назначают пенсии старикам, дают больным средства лечиться, но с очень строгим разбором в двух последних случаях. Они же устраивают библиотеки, маленькие музеи для рабочих. Средства их еще очень ограничены, а принесенная ими польза вовсе не пропорциональна их ограниченности.

Эти братства и комитеты составлены большей частью из рабочих, трудом и умом дошедших до обладания порой значительными капиталами. В Италии ремесленнику разбогатеть дело не легкое, и если кому удастся, то это уже прямая награда труду, уму и изобретательности. Многие богатеют правда и там, как везде, – *спекуляциями*, но эти не употребляют добытых ими богатств на поощрение труда и промышленности. В Италии мало богачей, имеющих возможность горами золота платить за угождение их капризам и фантазиям, а потому жизнь рабочего лишена там (конечно до известной степени только) влияния случайности, то благоприятной, то враждебной, которая делает из нее игру. Главная задача ремесленных братств – парализовать действие этих случайностей, сделать жизнь рабочего пролетария более схожей с жизнью землевладельца. Нельзя не согласиться, что тут великое общественное дело.

Я не буду распространяться особенно об этих ассоциациях, так как они до известной степени уже известны читателям «Русского Вестника»; скажу только, что эти учреждения, хотя во многом схожие с бельгийскими ремесленными обществами, – явление вполне самостоятельное и чисто итальянское; и нигде их основная мысль не развита с такой полнотой и не приведена так основательно в исполнение.

Сиена – город ремесленных братств по преимуществу, и со времени их появления жизнь этого города выиграла очень много. Сиенский комитет брал инициативу во многих очень важных случаях. В последнее время его стараниями была доставлена тосканским рабочим возможность посетить флорентийскую выставку. Управление железных дорог помогло комитету в исполнении его благого намерения, и почти все города Италии последовали этому примеру.

Я слишком может быть распространился о рабочих, но признаюсь, мне несравненно приятнее говорить о них, нежели о другом господствующем классе сиенского народонаселения – о клерикалах.

Во времена павшего правительства духовенство имело здесь громадное влияние. Единственное, сколько-нибудь значительное учебное заведение этого города, училище *dei Tolomei*, было в их руках. Оно и осталось еще пока в прежнем положении, но владычество клерикалов исчезло безвозвратно. Духовенство однако же нелегко бросает оружие и не просит пощады. Пользуясь тем, что новое правительство шадит его, оно употребляет всё случающиеся под рукой средства, чтобы смутить господствующий порядок, хотя на возвращение к прежнему оно не питает уже сладостной надежды. Класс этот в Сиене так многочислен, что если бы в нем было хотя сколько-нибудь мужества и энергии, он мог бы составить весьма уважительную партию; но эти люди ограничиваются интригами и проделками, при которых их личность всегда ограждена против раздражения народа. Порой изредка, пользуясь каким-либо крестным ходом или священной процессией, они отваживаются на демонстрацию, защищаясь своими священными атрибутами, которые удерживают народ в почтительном отдалении.

Не следует забывать притом, что с переменой правительства эта каста, ненавидимая теперь всеми без исключения, не потеряла ничего существенного. Личные интересы их ограж-

дены чуть ли не лучше, чем во времена австрийского дома, который покровительствовал им как твердой опоре своей власти, но в трудные минуты (а таких у него было немало) щадил их не больше, чем и всех остальных своих подданных. Итальянский статут хотя не сыплет на головы духовенства всевозможных привилегий и благодеяний, однако свято охраняет их права и даже многие из их злоупотреблений, давностью возведенных в права.

Оставим в стороне всех епископов, викариев, каноников и проч. Всему миру известно, каким тяжелым путем католический аббат доходит до этих возвышенных ступеней иерархической лестницы, и как трудно донести с собой туда хотя бы самый слабый остаток человеческих чувств. Молодые приходские священники, которые не успели еще забыть, что и они граждане родного края, постоянно находятся между двумя огнями. С одной стороны грозный Рим, готовый ежеминутно пресечь им всякий путь к повышению, к достижению безбедного существования, угрожающий ежеминутно своим страшным «*suspensus a divinis*»¹⁸², за которым для бедного аббата остается только просить милостыню; – с другой презрение и ярость народная, ежеминутное осадное положение, вечное одиночество и отвержение всего, что дорого человеку.

В последнее время итальянские епископы неоднократно ввергали в нищенское положение подчиненных им священников, за то что они показывались публично в обыкновенных круглых шляпах, а не в классических треуголках, которых один вид возбуждает свистки и насмешки уличных мальчишек. Правительство ничего не могло сделать для этих несчастных.

В Милане появился было религиозный журнал с целью примирить клерикальную партию с народом. Журнал этот («*La Civiltà Cattolica*») лопнул очень скоро. Редактор его отец Пассалья¹⁸³ употребил свой ум и способности на лучшее дело. Он попробовал учредить общество взаимного вспомоществования между духовными, с целью противодействовать неограниченному произволу курии. Римский двор тотчас же запретил это общество и запретил впредь всякие ассоциации между духовными под опасением вечного «*suspensus a divinis*». Пассалья затеял тогда новую реформатскую секту, которая до сих пор еще не имела большого успеха.

Итальянское правительство подверглось многим нареканиям за то, что оно не протянуло руки помощи бедным священникам, отставленным от должности и претерпевшим преследования из преданности к нему: точно также как и за то, что оно позволило духовным клерикальной партии безнаказанно смущать народ в его празднествах и торжествах и оскорблять его в самых искренних его привязанностях. Но могло ли правительство открыто противодействовать папе, официально признавая его духовную власть? Наконец, что может оно сделать для этих несчастных? Не устроить же в самом деле инвалидный дом для отставленных от должности священников?

Духовенство само наложило на себя ярмо папской власти и только оно само может спасти себя от этого ярма. В этом ничья посторонняя помощь не будет действительна.

Очень немногие из итальянских духовных поняли это, но хорошо и то, что нашлись хотя немногие. Экс-иезуит Пассалья, монсиньор Ливерани¹⁸⁴ и несколько других имен менее замечательных составляют зародыш партии либерального духовенства, которая со временем может развиться в больших размерах, а пока большинство духовенства в Италии и в особенности в Тоскане играет ту же роль, как разбойники в южных провинциях, то есть роль горячих агентов и эмиссаров папского правительства и Бурбонов.

Недавно в Болонье, на одном ремесленном собрании, один из членов братства произнес торжественную речь, в которой он называет клерикалов ренегатами отечества, яркими красками рисует тот вред, который причиняют они новому королевству, и приглашает своих

¹⁸² Отстранение от священнических обязанностей (*лат.*).

¹⁸³ Карло Пассалья (Passaglia; 1812–1887) – священник, теолог, общественный деятель, поборник объединения Италии; за призывы к папе Римскому отказаться от земной власти был исключен из Ордена Иисуса.

¹⁸⁴ Франческо Ливерани (Liverani; 1823–1894) – аббат, автор ряда либеральных церковно-политических трактатов.

собратий противодействовать по мере сил и возможности этим внутренним врагам. Впрочем итальянские работники не дожидались этого приглашения, и их стараниями в Сиене открыт заговор между духовными лицами этого города, следствием чего было то, что четырех главных заговорщиков задержали в Радикофани¹⁸⁵, уже на самой границе Папских владений, куда они пробирались с очень верными документами и значительными суммами денег. Пока еще неизвестны подробности этого дела.

Хотя – как я сказал выше – правительство не может прямо противодействовать клерикальному влиянию, тем не менее, в последнее время оно обратило особенное внимание на учебные, а частью и ученые заведения.

Составлен новый проект насчет университетов, которых предполагается оставить только три на всё королевство. Сиенский университет должен быть раскассирован, а Пизанский увеличен остатками Сиенского и Болонского и будет единственным на всю среднюю Италию. В городах, лишенных таким образом своих университетов, будет дано особенное развитие средним учебным заведениям.

Министерство должно очень поторопиться исполнением своих проектов насчет распространения средств просвещения и более правильного их размещения, так как желание образоваться с каждым днем растет в итальянском народе. Флорентийский сапожник Франческо Пиччини печатает в журнале «Nuova Europa» ряд писем с целью побудить своих собратий заняться политико-экономическими науками, и комитеты давно уже помышляют о доставлении рабочим возможности слушать курс их.

Я слишком распространился о двух господствующих классах сиенского народонаселения, потому что за исключением их город этот представляет очень мало достопримечательного.

Чиновники, лавочники – вот остальная безличная часть жителей Сиены. Несколько более или менее разорившихся аристократических семейств спокойно доживают свой век в старинных домах и виллах и по воскресным и праздничным дням появляются на публичных гуляньях в допотопных экипажах с шутовски одетыми лакеями на запятках и козлах. Их присутствия здесь никто и не замечает.

Жизнь в Сиене простая и бедная, но и дешевая до крайности, кажется, приспособлена для удовлетворения несложным потребностям работника. Во всем городе нет ни одной широкой и прямой улицы, чему много способствовало ее гористое положение. Большая часть названий площадей и улиц недавно переименованы громкими итальянскими именами, и путешественник, который явился бы в Сиену с планом или путевой книжкой, изданной в 1859 г., стал бы в тупик, не находя ни одного знакомого названия.

Здесь много уцелело еще старых зданий, из которых многие считаются чудом архитектуры, но я не считаю долгом занимать целые страницы описанием их. Эта археологическая Италия много веков стоит уже без всякого изменения и было время изучить и описать ее вдоль и поперек. А теперь другое новое у нас перед глазами, живое, идущее вперед: его нужно ловить на лету.

Сиена долгое время была одним из центров итальянской учености, и теперь еще пользуется между знающими ее из прошедшего репутацией ученого города. Но – увы! – в Сиене не осталось никаких следов ее минувшего научного величия. Еще в прошлом году число студентов было около 500, а теперь их всего 150. Старый *Palazzo delle Scuole* или *degli Studj* стоит мрачно и почти пустынно, а содержатели меблированных квартир очень красноречиво плачут об упадке отечественного просвещения.

Лучшие здешние профессора перебрались в Пизу, или Болонью, и большая часть студентов последовала туда за ними. Станки типографии глухонемых, где прежде почти ежедневно печатались интересные полемические брошюры ученых людей, стоят праздно или печатают

¹⁸⁵ Radicofani – селение в провинции Сиены.

объявления о парижской ваксе и афишки проезжей труппы вольтижеров. Сиенская ученость умирает, но я не дождусь ее последнего издыхания, чтобы сказать ей прощальное слово; во всяком случае это не будет в настоящем письме; его я по возможности хочу посвятить настоящему.

Упадок университета необходимо повел за собою и упадок журналистики. В Сиене нет даже и официального листка. Издается здесь еженедельная газета под названием «La Venezia» – дело незамысловатой спекуляции. Комитет ремесленников издает еженедельный листок для народного чтения, выходящий по утрам в воскресенье и продающийся по *одному сантиму* (¹/₄ коп. сер.). Листок этот далеко не удовлетворяет всем требованиям касательно подобного рода изданий, однако же приносит очень большую пользу. Нет работника (большая часть их грамотные), который бы не приобрел его, хотя бы для того чтобы не отстать от других. Окрестные контадины, являющиеся по воскресеньям продавать сельские продукты (большой частью безграмотные), тоже покупают его, неизвестно для какого употребления. Журнал этот излагает понятным каждому языком главные политические события и, конечно, не упускает из виду состояния рабочих классов. Это одна из первых попыток в совершенно новом для Италии роде, и нельзя не пожелать ей от души самого полного успеха.

Кстати о страсти итальянцев к журналам. В одной из тосканских деревень близ Флоренции, случившись на рассвете летнего дня в кофейной, я увидел очень оригинальную сцену. Замечу мимоходом, что каждая самая незначительная итальянская деревушка имеет одну, или несколько кофейен, где завтракают земледельцы и виноградари перед отправлением на работу. Едва допив свой стакан кофе с молоком, каждый спешил в отдельную маленькую комнатку в стороне от буфета, и пробегая второпях бросал сантим буфетчику. В этой комнате на столе стоял маленький очень пожилой уже аббатик в очках и с торжественным видом читал официальный «*Monitore Toscano*», комментируя темные и запутанные места, которых случилось немало в этом номере газеты.

Позвольте мне заключить эту корреспонденцию очень оригинальным подвигом одного из флорентийских почтовых чиновников. При редакции журнала «*La Nuova Europa*» устроено маленькое депо фотографических портретов Мадзини, снятых с него одним из лучших лондонских фотографов. Редакция рассылает их *franco*¹⁸⁶ адресующимся к ней, за ту же цену, за какую их продают без пересылки в эстампных магазинах. Большая часть иногородных жителей, желающих иметь портрет триумвира, обращаются к ней с этой целью. И что же? Все они получили выписанные ими экземпляры с почтовой маркой, наклеенной на самое лицо.

Не правда ли, оригинальное выражение чиновничьего гнева на бывшего трибуна народного? Жаль только, что дело не обошлось без нарушения права собственности.

Ноябрь и декабрь 1861 г.

Сиена окружена чрезвычайно живописными холмами, которые усеяны небольшими красивыми виллами: стены высоких кипарисов, серая зелень олив, ярко-зеленые зонтики южных сосен (*pinus italica*) на легком голубом фоне неба, глинистые пашни, рисующиеся мутными красными пятнами среди роскошных красок итальянского пейзажа, – а главное, горный свежий воздух, легкий, прозрачный, освежающий грудь и голову, всё это давно соблазняло меня. Привычка к деревне, к раздолью, давно забытая среди жизни итальянских городов, снова проснулась во мне, и как бес манила меня подальше от этих каменных громад с гербами и портиками, от шумных узких улиц, от этих башен и дворцов – привидений прошедшего, имеющих правда свою неизъяснимую прелесть, но сковывающих ум и воображение. Не в них сложиться вольной, широкой жизни; не в этих надгробных склепах отжившей славы возродиться новой Италии. Эпоха их, эпоха муниципальных корпораций, прошла.

¹⁸⁶ То есть бесплатно для подписчиков.

Для новой жизни Италия не найдет достаточно элементов в своих тысячелетних городах; ей нужны будут свежие, непочатые силы, кроющиеся в горах Калабрии и Базиликаты, деревушках *Terra di Lavoro*¹⁸⁷ и южной Тосканы – именно в тех классах народонаселения, которые оставил за цензом слишком разборчивый статут Карла-Альберта, представляющий – как я и писал уже, помнится, – право избирательства только тем, кто платит податей не менее 40 франков в год. Сельские жители без исключения платят податей не больше 7 франков средним числом.

В неаполитанских провинциях, или по крайней мере в большей части их, плодородие почвы и «благорастворение воздушных» делают из хлебопашества и скотоводства главное богатство страны. Городская жизнь к тому же далеко не так развита в южных провинциях Италии, как в остальных частях королевства. А потому жизнь деревень несравненно самобытнее и лучше там, нежели в Тоскане например, где поземельная собственность почти исключительно в руках людей достаточных.

В южных провинциях Италии жизнь земледельческой касты организовалась с давних пор, и успела приобрести достаточно самостоятельности. Нельзя сказать, чтоб она развилась значительно со времен первых завоевателей Италии. Нелепое апулийское постановление *del Tavoliere*¹⁸⁸, успевшее приобрести силу закона во время управления испанских вице-королей, уничтоженное было во время Партенопейской республики, снова восстановлено с возвращением Бурбонов и существует до сих пор, в ожидании пока наконец центральное правительство Италии не уничтожит его вновь вместе со многими другими постановлениями, несообразными с интересами страны.

Предполагая, что некоторые из моих читателей могут не знать, в чем именно заключается это постановление, постараюсь рассказать смысл или правильнее бессмыслицу его в нескольких строчках.

Tavoliere называется в Капитанате и смежной с ней части провинции Бари большая равнина в 70 миль длины и в 30 ширины. Летом она вся изожжена солнцем, но зимой, освежаемая частыми дождями, она покрывается густой и сочной травой. С самой глубокой древности самнитские пастухи пригоняли туда на зимовье свои стада. Во времена Варрона¹⁸⁹ римское правительство взимало с них довольно значительную плату, от которой не подумали отказаться позднейшие владельцы этих стран, ломбарды, греки, норманны и неаполитанские Бурбоны. Альфонс I Арагонский¹⁹⁰ присоединил окончательно эту *Tavoliere* к государственным имуществам, и сделал обязательной зимовку стад на ней для пастухов окрестных провинций, перенеся таким образом в Италию со Сьерры-Невады испанскую *mesta* со всеми ее политическими, экономическими и всякими другими неудобствами.

Эта новая система возбуждает с давних пор всеобщее неудовольствие жителей, приучает горных пастухов к кочующей жизни наподобие их древних праотцев, а от этих первобытных привычек уже очень недалек переход к героическим подвигам иного рода, на которые жалуются все путешествовавшие по горам южных провинций.

На этот раз нужно отдать полную справедливость неаполитанским депутатам. Благодаря особенному развитию в бывшем королевстве Обеих Сицилий братства карбонариев, которому само правительство покровительствовало одно время, мы встречаем там примерное сближение почти между всеми классами народонаселения, и многие из депутатов, хотя вовсе не обязанные своим избранием земледельческому классу, деятельно защищают его интересы с полным сознанием того, что для прочного единства Италии необходимо прежде всего тесное сбли-

¹⁸⁷ Северная часть региона Кампания.

¹⁸⁸ В оригинале неточно: della Tavaliera.

¹⁸⁹ Марк Теренций Варрон (Marcus Terentius Varrò) – римский ученый-энциклопедист и писатель I века до н. э.; переносно – древнеримская архаика.

¹⁹⁰ Альфонс V Великодушный (1396–1458) – король Арагона и Сицилии с 1416 г., король Неаполя под именем Альфонс I, с 1435 г.

жение различных частей ее народонаселения. Никотера и Криспи¹⁹¹ заслужили на этот раз полную благодарность своих соотечественников, и могут быть уверены, что по возвращении своем будут встречены не свистками и кошачьим концертом, как случилось с представителями южных провинций в последнем заседании камеры депутатов.

Не вдаваясь в отдаленный разбор устройства земледельческих общин южной Италии, замечу, что они менее других еще нуждаются в улучшении своего положения, и что правительству – если оно и решится взять инициативу в этом деле – труд будет невелик – уничтожить некоторые стеснительные старинные постановления, по большей части нелепые и несообразные ни с духом, ни с характером нового статута. Постановления эти чудом каким-то удержались со времен римских императоров и испанских вице-королей, и тяжелым гнетом лежат на плечах народа, не принося дохода казне: от них выигрывали лишь хищные орды продажных чиновников, служивших исключительно к угнетению народа, и доведших своими безнаказанными злоупотреблениями до пагубы правительство Бурбонов.

Общинное устройство земледельцев в некоторых из неаполитанских провинций дико. Социальный быт калабрийцев и жителей Апулии помогает им удержать свою самобытность, дух гражданства и независимости. Их отчасти враждебные отношения ко всему окружающему приучили их с давних пор полагаться на самих себя; не ждать от кого бы то ни было улучшений и облегчений своей участи. Притом они не легко становятся в положение жертв и умеют вовремя обратить на себя внимание.

Тосканские контадины, то есть крестьяне – другое дело.

Тоскана – далеко не самая плодородная из итальянских провинций, но в ней более чем где-либо ценится поземельная собственность. Сиенские холмы, Маремма и Валь-ди-Кьяна считаются самыми выгодными и лучшими местностями. Почва здесь сухая и глинистая, а между тем производит почти лучшие в Италии урожаи; здесь производятся лучшие вина, находящие сбыт во всех частях королевства. Вообще производительность этих мест далеко не пропорциональна незначительности их протяжения.

Дело в том, что здесь труд человеческих рук пополняет недостатки почвы и количества земли. Но зато какой должен быть этот труд!

В Тоскане нет крестьян собственников, точно также как нет больших поземельных владений, сосредоточенных в одних руках. Земля разделена на маленькие участки, принадлежащие по большей части городским жителям, купцам, разбогатевшим факторам, адвокатам. Есть владельцы, имеющие по несколько таких участков, редко смежных между собой.

Под Сиеной и в Валь-ди-Кьяна образовался в последнее время класс *gentilshommes campagnards*, недовольных современным ходом дел, или разорившихся до того, что не в состоянии уже поддерживать себя с должным приличием в городе. Но вообще редко кто из владельцев живет постоянно в своем поместье. Многие проводят в нем лето, или время особенно горячих полевых работ, требующих деятельного надзора.

В большей части случаев помещики эти стараются на землях своих разводить только то, что им необходимо для их домашней жизни; поэтому Тоскана не вывозит сельских произведений. Зато на полях встречается самое пестрое разнообразие.

В поместье, состоящем из нескольких десятин, сеется и пшеница, и конопля, овес, кукуруза и особенный вид риса; заводятся шелковичные черви, масличные деревья; виноград составляет главные статьи дохода. При всякой вилле непременно заводится ферма, и владельцы их продают в городах сыр и масло, молоко и пр., если ферма производит их в количестве излишнем для их собственного продовольствия.

¹⁹¹ О Дж. Никотера см. прим. на с. 57; Франческо Криспи (Crispi; 1818–1901) – политик и государственный деятель сицилийского происхождения, дважды возглавлял кабинет министров Италии.

При этой дробности владений, понятно, что в Тоскане земледелие находится в весьма жалком состоянии, и что в ней и речи нет о тех нововведениях, которыми увеличивается доход собственников и уменьшается труд работников. Владельцы вилл, издержав на покупку их 3000 или 4000 скуд (меньше 6000 р. сер.), остерегаются ото всякой лишней издержки; они всегда находят более выгодное помещение для своих капиталов, а с поземельной собственности ограничиваются тем доходом, который доставляют им простые и бесхитростные труды контадинов.

В Тоскане господствует система фермерства. Контадин со своим семейством помещается на землях владельца безо всякого форменного уговора, или контракта. Он пользуется половиной урожая и платит пополам с помещиком поземельную подать, хотя перед финансовым управлением ответственность за исправность платежа лежит исключительно на землевладельце. Подушная подать, *testatico*, лежит исключительно на ответственности контадина и стирается до 7 фр. в год с семейства, состоящего из двух работников.

Впрочем, подать эту платят только контадины, живущие на землях помещиков; следовательно, это скорее налог на труд – капитал пролетария, нежели поголовная подать.

За контадином остается право оставить своего землевладельца, точно так же как землевладельцу предоставлено право отослать своего контадина ежегодно в августе и в феврале каждого года; помещики несравненно чаще земледельцев пользуются этим правом.

Если семейство контадинов, поселившееся на землях помещика, не успевает само исполнить все необходимые работы, ему приходится нанимать поденщиков, *pigionali*, – род деревенских пролетариев, не имеющих часто даже и тени оседлости. Издержки по найму их землевладелец только в очень редких случаях принимает в половину, – обыкновенно же все падают на счет крестьян. Чтоб избежать этого расхода, крестьяне насилуют себя, заставляют работать, и часто не по силам, жен своих и детей; не говоря уже о том, что у них не остается времени для какого-нибудь умственного занятия – большая часть их безграмотные, – даже физические силы их тратятся с ущербом для здоровья в этом усиленном труде.

Среди цветущей Тосканы, считающей себя центром просвещения чуть ли не всей Европы, это поколение сельских жителей, худых, истощенных, придавленных, с болезненным, кротким взглядом, представляет тяжело действующий контраст. Все эти отъездившие городские филантропы смотрят на них с каким-то презрением. «Контадин» – ругательное слово у клерков разных контор и у магазинных сидельцев Флоренции и Сиены.

Мне случилось как-то говорить о жалком положении этого класса с одним весьма почтенным сиенским гражданином, членом разных патриотических комитетов и филантропических братств. Я сказал ему, что в настоящее время, по моему мнению, менее нежели когда-либо следовало бы оставлять без внимания эту весьма существенную часть народонаселения, которая более других нуждается в братской помощи и сочувствии соотечественников.

«Она как пятно лежит на нас», отвечал мне этот сердобольный блюститель блага народного. «Животные, в которых и признака нет никаких человеческих чувств».

Над тосканским контадином, в виде Дамоклова меча, висит постоянная опасность быть прогнанным в случае болезни, старости, расслабления. За тем ему предстоит записаться в ряды *pigionali*; искать работы за кусок хлеба, брать то, что дадут, делать то, что потребуют.

Красная цена поденщикам в самое горячее время сельских работ по 84 сантимов (21 коп. сер.) в день. Это время для них суший праздник, так как остальную часть года они проводят в самой страшной нищете. Изредка разве наймут нескольких из них для того, чтобы проложить какую-нибудь новую проселочную дорогу от одной виллы до другой, или поправить старую.

Сельские жители впрочем не только по недостатку времени остаются в грубом невежестве. Совершенное отсутствие школ отнимает у желающих всякую возможность приобрести хотя бы самые простые и необходимые сведения. Число желающих учиться значительно увеличивается с каждым годом; но для этого им нужно бы было идти в город, на что очень не многие имеют возможность.

Жена одного из сторожей железной дороги возле Сиены сумела воспользоваться этим благородным стремлением к просвещению: в будке своего мужа, при входе в какой-то тоннель, она завела род школы. С полдюжата крестьянских детей разных возрастов и полов обучаются у нее грамоте с платой по несколько копеек серебром в месяц.

Жизнь тосканских контадинов, даже самых достаточных из них, бедна и проста до крайности. Рис, кукуруза и бобы – их постоянная пища. Из этих мучнистых веществ, поглощаемых в большом количестве, вырабатывается много лимфы и мало крови.

Пьянство и разврат не в ходу между этими смиренными золотушными тружениками. На юге вообще мало пьют, и во всей Италии, за исключением калабрийского *centerbe*¹⁹², нет ни одного крепкого напитка, который бы служил для народного употребления. Тосканские земледельцы запивают легким кислым вином свою жирно приправленную оливковым маслом пищу. Вино, даже самое простое, стоит слишком дорого, а в особенности оно подорожало в последние пять лет, когда страшно распространилась здесь болезнь виноградных лоз. Один из здешних агрономов изобрел средство против этой болезни, – именно присыпать мелко растертой серой только что зародившиеся кисти. Нынешней весной многие воспользовались этим средством. Но так как болезнь прошла сама собой, то и нельзя судить о его действительности. Только вино из подвергнутых этой операции лоз приобрело отвратительный серный запах.

Несмотря на умеренность образа жизни, тосканские земледельцы – как и все итальянские бедняки – имеют одну, весьма разорительную слабость, а именно страсть к игре, развиваемую и поддерживаемую в них самим правительством. Об итальянской лотерее, или королевском лото, как ее называют здесь, было уже много говорено и писано; но я тем не менее предоставляю себе право прибавить впоследствии несколько своих слов к этому многому.

Замечу еще, что в Тоскане нет хотя сколько-нибудь значительных деревень и сел, нет следовательно и земледельческих центров. Крестьяне живут поодиночке на землях помещиков, выходясь очень редко с двумя или тремя из соседей. Поэтому в них нет и тени того корпоративного духа братства и общности интересов, которыми отличаются городские ремесленники. Ремесленники могли воспользоваться возможностью, которую предоставила им последняя правительственная перемена, – соединяться, составлять общества и братства. Крестьяне и этого не могут сделать. Они чувствуют очень много существенных недостатков, но исправить их, облегчить участь земледельцев могли бы только разумные ассоциации на манер ремесленных братств взаимного вспомоществования. А завести эти братства, при разъединенности интересов и образа жизни, это трудная задача, и сами крестьяне конечно не сумеют разрешить ее. Правительство не берет инициативы в этом деле; тем более оно не может открыто принять сторону работников против собственников в этой упорной борьбе. Строгие блюстители статута не признают даже права за министерством входить в эти частные вопросы, касающиеся быта отдельных сословий, а не целой нации. Министерство однако же в других случаях не боится высказывать свои централизационные стремления, не останавливаясь за криками и толками этих пуритан нового рода.

Число приверженцев централизации возрастает в Италии с каждым днем. В течение последнего месяца вышла в свет небольшая брошюра некоего г. Джорджини, выказывающая в авторе весьма основательные административные познания и еще более склонность его к централизационному направлению настоящего кабинета. Брошюра эта имела несомненный успех в публике, хотя достоинства ее и были неумеренно преувеличены министерскими газетами. Из всего этого можно легко вывести, что никак не излишний пуританизм и не страх перед общественным мнением заставили г. Рикасоли и его кабинет оставить безо всякого внимания участь контадинов, тем более что этот же самый кабинет делал весьма многие и не вполне законные уступки в пользу городских работников, да и теперь каждый день делает их в пользу

¹⁹² «Стотравник», традиционный спиртовой бальзам.

крикливых тунеядцев Неаполя и Эмилии. Правда, что они не так терпеливо как тосканские контадины ждали его вмешательства в их интересы.

Впрочем, обо всем этом мне хотелось бы сказать многое и многое, что здесь может быть было бы не совсем у места, а потому я считаю лучшим совсем кончить на этот раз об этом щекотливом предмете. В заключение скажу еще несколько слов, чтобы показать, как мало земледельческие классы Средней Италии возбуждают в себе сочувствия даже между итальянскими прогрессистами – и это конечно говорит не в пользу гг. прогрессистов.

В каждом из городов Италии – в Тоскане больше чем где-либо – существуют так называемые комитеты итальянского единства. Лица, составляющие эти комитеты, доказали в очень тяжелые для Италии времена свою горячую преданность народному делу, благу и самостоятельности Италии. Трудом их был подготовлен последний переворот в Тоскане, Романье и в неаполитанских провинциях. Многие из них принесли в жертву не только свои имущества, но даже лично потерпели весьма многие гонения. Теперь комитеты эти продолжают очень аккуратно свои заседания почти каждое воскресенье. Настоящее положение дел однако же несколько охладило их ревностное стремление, или по другим может быть причинам они ограничили круг своих действий. Теперь почти исключительной целью их осталось покровительствовать римской и венецианской эмиграциям, раздавать им денежные вспомоществования. На всё это уходит много денег, тогда как польза, приносимая их трудами, далеко не соответствует издержкам. Мне случилось говорить с одним из членов Сиенского комитета о быте тосканских контадинов. Ответ, данный мне этим почтенным гражданином, я привел уже выше.

Письмо второе

22 (10) января [1862 г.]

В настоящее время Турин, становящийся с каждым днем всё более и более столицей Итальянского королевства, представляет живую картину. Здания парламента и обязательное присутствие представителей всех провинций делают шумной и интересной жизнь этого города. Виктор-Эммануил, тоже не чуждый может быть общей всем итальянцам муниципальной гордости, делает с своей стороны всё от него зависящее чтобы показать своим новым подданным их временную столицу по возможности в лучшем свете. Я называю ее временной только потому, что, по мнению всех итальянцев, один Рим способен быть истинной столицей королевства; определить же срок, на который Турин исправляет эту должность я решительно не берусь, тем более что и сам г. Рикасоли, который должен был бы гораздо лучше меня уметь отвечать на этот трудный вопрос, сильно смутился, когда ему предложили его без особенных околичностей.

Кого интересуют подробные описания великолепных балов и всяких другого рода торжеств, которые непрерывно следуют в Турине одно за другим, благодаря щедрости короля, тех попрошу я адресоваться к официальным журналам этого города: там со всей подробностью поименованы все лица, почтившие эти собрания своим присутствием, описаны блестящие туалеты дам и чуть ли даже не исчислено, сколько мороженого и прохладительных напитков подавалось разгоряченной публике. В этих же изданиях можно найти самые полные сведения о серенадах и иллюминациях в честь принца Оскара Шведского, встреченного чрезвычайно радушно в субальпийской столице. Я же оставляю все эти веселые зрелища для очень печальной картины.

Выходя с одного из последних балов, данных итальянским королем в честь шведского принца, в 6-м часу утра, когда туман очень плотно улегся на вершины гор, а с середины неба стал падать холодный, серый полусвет, позволявший определенно видеть окружавшие предметы, – гости могли заметить очень простую тележку, в одну лошадь, медленно ехавшую по направлению к городским воротам. В тележке ехал еще очень молодой человек в назидатель-

ном сообществе священника. Ползвода солдат угрюмо шли по сторонам этого незатейливого экипажа. По этим вовсе недвусмысленным признакам очень не трудно было угадать цель путешествия, не совсем добровольно может быть предпринятого бедным юношей. Не берусь передать вам чувства и мысли героя этой печальной катастрофы в то время, когда гнедая кляча подвозила его к тому месту, где ожидал его новый отряд солдат и королевский чиновник гражданского ведомства... Юноша этот был мясник, и о существовании его мало кто знал в Турине, почти до той самой минуты, как он перестал существовать.

Пьемонтское уголовное законодательство допускает смертную казнь, и даже не в очень редких случаях; но приложения ее к практике старожилы туринские почти не запомнят. Не знаю, мягкость ли тамошних судей этому причиной, но только с 1849 года ни в Турине, ни в других провинциях королевства, не случилось ни разу подобных трагических представлений. Последний из приговоренных к лишению жизни сардинским уголовным судом был Джузеппе Мадзини, который, как вы знаете, очень благополучно живет в Лондоне и недавно оправился от тяжелой болезни. А потому казнь мясника возбудила не одно сожаление к нему в свидетелях этой кровавой сцены.

Вопрос о смертной казни занимает многих весьма почтенных криминалистов; уважая специальность, я не стану приводить здесь свои личные, очень неглубокомысленные в сравнении с их учеными трудами, мысли об этом предмете; но каюсь, что в моих глазах подобные кары правосудия имеют в себе слишком много варварства. Нельзя не сознаться в том, что со стороны государственной экономии этот способ расправы представляет свои выгоды: гильотина стоит несравненно дешевле пенитенциарной (да и всякого другого рода) тюрьмы, к тому же и не требует очень сложной администрации. *Экономные* правительства поэтому очень любят этот дешевый, но и действительный, способ восстановления однажды нарушенного порядка. Двор Св. Петра, по бедности, вынужден очень часто обращаться к нему. По римским законам всякое убийство, совершенное не в пользу церкви и *не во время широко*, наказывается смертью: последняя оговорка делает большую честь человечности и предусмотрительности новых римских законодателей. В летние месяцы в Риме и в окрестной Кампанье дует очень часто и сильно сухой, южный ветер из африканских степей, раздражающий нервы и доводящий до болезненного исступления жителей Вечного Города. Но и без этой климатической случайности палач там может, положив руку на сердце, сказать, что не даром берет свое жалованье от священного двора. В настоящее время в особенности должность его стала до такой степени трудной, и требует такой неуспышной деятельности, что, говорят, даже железное здоровье *Padrone Checcho*¹⁹³ не устояло. Некоторые приписывают его нездоровье угрызениям совести, возбужденным в нем смертью Чезаре Лукателли¹⁹⁴, в которой он не мог считать себя невинным.

Вам конечно известно, что Чезаре Лукателли казнен в Риме несколько месяцев тому назад; его обвинили в убийстве одного из папских жандармов во время небольшой стычки между этими ревностными блюстителями порядка и гуляющими. Очень скоро после смерти Лукателли открылся настоящий виновник преступления, бежавший в итальянские владения тотчас после катастрофы. Лукателли принимал очень пассивное участие в случившемся смятении, но остался израненный на месте, и так как он один из всей толпы попался в руки полиции, то и должен был, для поддержания чести римской Фемиды, исправлять должность преступника. В виде посмертного утешения бедному страдальцу итальянские журналы все без исключения разгласили его бесчестный процесс со всеми его возмутительными подробностями. Но как приняли римские граждане эту казнь? По обыкновению, свирепо сверкая своими огненными глазами, угрюмо теснились они вокруг эшафота с глухим ропотом, и бросали от времени

¹⁹³ Прозвание римского палача Мастро Титта (Titta; наст. имя: Джованни Баттиста Бугатти; 1779–1869).

¹⁹⁴ Чезаре Лукателли (Lucatelli, 1825–1861) – патриот-бунтарь, казнен по ложному обвинению в убийстве (в оригинале ошибочно Локателло).

до времени вовсе недружелюбные взгляды на окружавших его швейцарцев в их шутовском наряде. В толпе слышались порой возгласы сочувствия страдальцу, тысячи рук протягивались с медными байоками¹⁹⁵ к чаше, в которой собирались деньги на панихиду по усопшем – одним словом, как это всегда бывает в подобных случаях, как это было и нынешней весной, когда место Чезаре Лукателли занимал молодой трастеверинец¹⁹⁶, душегубец, успевший известить столько своих собратий, сколько ему было годов от роду. Вы может быть выведете из этого очень невыгодные для римского народа заключения. Но дело в том, что они во всяком, входящем на ступеньки эшафота, видят такого же Чезаре Лукателли, и если бы римский двор присудил кардинала Антонелли или де Мерода¹⁹⁷ к подобной экзекуции, – они готовы были бы с любовью и сожалением смотреть на этих двух ненавистных своих врагов. Если падре Пассалья, экс-иезуит, пользуется некоторой популярностью в Италии, то этим он обязан исключительно негодованию против него наместника св. Петра, которое высказалось, между прочим, очень оригинальным образом. На дверях одной из церквей Иисусова братства в Риме, в большой картине *al fresco*, между многими столпами ордена изображен и Пассалья, бывший в то время ревностным защитником Ватикана. Недавно святой отец отдал приказание, чтобы голова этого портрета была отрезана, в ожидании пока удастся повторить эту самую операцию над оригиналом.

Бывшее неаполитанское законодательство тоже было довольно щедро на такую энергическую меру уголовного наказания. Я не думаю, чтоб оно было побуждаемо к этому чрезмерной экономией, или было вынуждено дурным состоянием финансов. Известно, что королевство Обеих Сицилий было одно из самых счастливых в Европе в денежном отношении, и если б отнять хотя десятую долю тех капиталов, которые ежегодно тратились на всякого рода празднества, на украшения дворцов и церквей, то можно было бы устроить очень хорошие тюрьмы и содержать многочисленную и благоустроенную администрацию. Более снисходительное, нежели правительство св. Петра к человеческим слабостям, неаполитанское уголовное законодательство не придерживалось ветхозаветного правила: жизнь за жизнь. Убийцы щеголяли в красных куртках с выбритыми затылками и с очень легкими цепями на ногах и содержались порядочно в многочисленных тюрьмах. Между низшими классами красные куртки пользовались даже несравненно большим почетом, нежели желтые – мундир пойманных воров – и серые, служившие отличием других преступников гнусного разряда. Многие из них даже сожалели о том, что заслужить эту почетную одежду на всю жизнь было слишком трудно, пожалуй и совсем невозможно. Зато попасть на эшафот было слишком легко, и желающие могли добиться этой чести, даже не угнетая свою совесть грехом против восьмой заповеди. Не говоря уже о Пизакане¹⁹⁸, Бандьера¹⁹⁹, Милано²⁰⁰ и других, за смерть которых дикие калабрийцы жестоко отплатили полициотам и сбиррам, много крови пролито было этими варварскими чиновниками, в руки которых бурбонское правительство отдавало подвластные ему

¹⁹⁵ Ваюссо – мелкая серебряная монета, бывшая в употреблении преимущественно в Папском государстве.

¹⁹⁶ Житель района Трастевере, «за Тибром».

¹⁹⁷ Джакомо Антонелли (Antonelli; 1806–1876) – кардинал, государственный секретарь Папской области; Ксавье де Мерод (de Mérode; 1820–1874) – бельгиец по происхождению, архиепископ, сподвижник (военный министр) Пия IX.

¹⁹⁸ «Карло Пизакане \Pisacane\, бывший паж короля Фердинанда, с горстью неаполитанских изгнанников (в числе которых были и недавний итальянский министр внутренних дел, барон Джованни Никотера), хитростью овладев почтовым пароходом, на котором они отправились пассажирами, пристали близ Сапри, возле Пиццо, где был расстрелян Мюрат, пытаясь вызвать республиканское восстание в Калабрии. Они большей частью погибли»; Мечников Л. Последний венецианский дож... (2017) – С. 270.

¹⁹⁹ Атилио Бандьера, иначе Бандиера (Bandiera] 1810–1844), Эмилио Бандьера (1819–1844) – два брата, родом из Венеции, предпринявшие неудачную попытку поднять антибурбонское восстание, были казнены в Калабрии. Л. Мечников посвятил им отдельную статью, посланную Н. Некрасову в «Современник» (принятую в № 3, 1863), но запрещенную цензурой.

²⁰⁰ Аджезилао Милано (в оригинале ошибочно: Милани) (Milano; 1830–1856) – офицер-республиканец; в 1856 г. ранил Фердинанда II штыком и был казнен; неаполитанский король умер по прошествии более двух лет, однако некоторые полагали, что его смерть наступила в результате ранения Милано, от заражения крови.

страны. Бедная Сицилия особенно пострадала от их наглого самовластья. На этом острове вся низшая полиция была составлена из передавшихся в руки правосудия разбойников. Я забыл теперь имя одного из них, занимавшего очень важный пост по этой отрасли администрации, и особенно отличившегося грубым цинизмом своих кровавых оргий. Этим почтенным юристом пытка была введена как очень обыкновенное дело при всякого рода уголовных следствиях, хотя собственное признание виновного вовсе не было необходимо для его осуждения. Всё это делалось с таким возмущающим цинизмом, что совершенно понятной становится та глубокая ненависть, которую питают к павшему правительству неаполитанцы.

Между исчезнувшими итальянскими правительствами, которые правили отдельными клочками Полуострова во имя Бога и Австрии, одно заслуживает особенно благосклонное внимание, по человечности своих законов. Я говорю о бывшем великом герцогстве Тосканском. Кодекс, имевший силу в этом маленьком государстве, мог бы служить образцом для многих других, выгоднее во всех отношениях поставленных правительств, и в этом сознаются даже враги *ex officio*²⁰¹, следовательно, самые свирепые враги Леопольда и Австрийского дома. Тосканцы самый положительный народ во всей Италии; но и они способны увлекаться, как все другие и даже лучше, чем все другие, потому что они увлекаются хладнокровно. И теперь еще не совсем прошла та политическая лихорадка, которая овладела ими при первых известиях о победе при Сольферино²⁰², и они еще не приобрели способности беспристрастно смотреть на свое прошлое, как это и естественно, если это прошлое не совсем прошло, или прошло очень недавно. Леопольд-*Babbo*, как они называют его иронически, и теперь еще для них предмет очень сильной ненависти, во многом несправедливой. Бывшее правительство, конечно, не удовлетворяло всем потребностям страны, и революция готовилась с давних пор; за это тосканцев обвинять нечего. Но личная ненависть к великому герцогу, извиняемая до известной степени лихорадочным состоянием народа, является в глазах всякого беспристрастного человека пятном на разумных, всегда обдуманно девствующих тосканцах.

С тех пор как я в Италии, я встретил только одного, очень почтенного гражданина Этрурии, который спокойно и добросовестно обсуживал недавно прошедшее. Ему было шестьдесят два года; он успел уже, как говорят, перебеситься; он играл очень деятельную роль в 1833 и 1848 гг., – и вот теперь, познав тщету всего земного, смотрит на совершающееся перед его глазами не как гладиатор на борьбу, в которой сам уже не может принять участия, но как опытный и развитый человек, успевший во всем отделиться от собственной личности. Обед, изготовленный собственными руками его дражайшей половины, чашка кофе в кофейной, грошовая сигара и ревматизм в ногах, вот для него существенная сторона жизни. Остальное заменяет ему театр, в который он перестал уже ходить, зная наизусть все представляемые пьесы, все остроумные выходы и шутки сиенского Стентерелло, вступившего на сцену Сиенского театра молодым человеком в том самом году, когда мой приятель, экс-адвокат доктор Дезидерио срезался в первый раз на университетском экзамене из римского права.

Как и все, не выжившие еще из ума старцы, д-р Дезидерио отличается превосходной памятью на мелочные происшествия, случившиеся на его глазах, хотя сильно путается в их хронологии. В его сообществе провел я много очень назидательных часов, и слова его помогли мне правильнее понять всё случившееся и теперь еще случающееся в вековых городах древней Этрурии, в чем прежде многое казалось мне загадкой.

По словам ученого адвоката, одна из главных причин ненависти соотечественников его к Леопольду, не бывшему ни тираном, ни даже очень плохим администратором, есть очень свойственная всем им черта, отдавать свою симпатию победителю, герою дня, – отдавать в такой степени, что для побежденного в душах их ничего уже не остается, кроме ненависти.

²⁰¹ По службе (*лат.*).

²⁰² Битва между сардинскими и австрийскими войсками в 1859 г., проигранная Австрией.

Я должен был удовольствоваться объяснением доктора Дезидерио на этот раз, потому что не нашел никакого лучшего. Предупреждаю, впрочем, вас, что приятель мой – скептик, и что он вовсе не доверяет возвышенным побуждениям ни в других, ни в себе, и собственные его подвиги в иные эпохи кажутся ему теперь плодом юношеской кичливости и беспокойного духа. Он и на весь последний политический переворот, совершившийся в Тоскане таким особенным и величественным образом, смотрит с той же самой точки зрения, и объяснил он мне его какой-то итальянской поговоркой, напомнившей мне мою отечественную *хоть горше да иньше*. На этот раз я стал очень энергически возражать старому скептику. Мой противник не поддался на мои доводы, хотя и не нашелся возражать на них последовательно, и, уходя, как за каменную стену, в свой скептицизм, постыдно бежал от меня, прихрамывая и опираясь на палку.

Оставшись один, я, как это часто случается, увидел вдруг недостаточность своих данных, которыми надеялся окончательно сбить с позиции упрямого адвоката.

Мне самому показалось неправдоподобным, чтобы из-за нескольких, вовсе несущественных злоупотреблений и промахов бывшей администрации, имевшей свои неоспоримые достоинства, народ решился на такую радикальную перемену, и чтобы, несмотря на потерю многих выгод, он решился на это с таким единодушием, что всё дело обошлось без ружейного выстрела.

Последний из тосканских великих герцогов в очень малом был схож с сотоварищами своими в падении, маленькими и скупыми тиранами, преданными Австрии с головы до ног, не знавшими пределов своему буйному произволу. Не будучи вовсе идеалом монарха, Леопольд обладал некоторыми личными достоинствами и в 1848 году показал, что он вовсе не чужд народного духа и способен отстаивать его даже против своих патронов австрийцев. Положим, он не простирает этого благородного порыва до самопожертвования; но этим он бы, казалось, мог только больше выиграть в глазах своих расчетливых подданных, очень уважающих положительность и расчет как в себе, так и в других. При наступлении грозы, великий герцог решился на очень многие уступки; он бы не отказался даже может быть выпроводить за пределы своих владений иезуитов и всех им подобных, совершенно преобразовать полицию и дать ей новый устав, в котором он строго наказал бы ей уважать несравненно больше прежнего существующие законы и постановления.

Преобразованное таким образом великогерцогское управление несравненно больше сообразовалось бы с мелочными, но и очень существенными выгодами Тосканы, нежели совершенно новое, мало знакомое с ее особенностями правительство, первым условием которого было уничтожение всякого рода политической, а затем и административной автономии. Рыцарский барон Рикасоли был посредником между герцогом и его подданными, и в этом случае выказал так много энергии и даже героизма, что популярность его значительно возросла от этого подвига, который впрочем не совсем соответствовал тогдашним желаниям народа. Тосканцы не хотели никаких уступок; они ни на чем не помирились бы, пока старый герцог, со всем семейством своим, не отправился бы по дороге к Вене. Барон Рикасоли, выбранный на тот раз представителем народной воли, оказался уступчивее своих доверителей, за что мог бы дорого поплатиться. Толпа ждала его на площади перед дворцом и встретила его при появлении его на лестнице вовсе не дружелюбно. Неустрашимый дипломат высказал им откровенно свое сочувствие к личности великого герцога, всё, что он думал о *неделикатном* относительно его поведении черни. Не смущаясь ни дерзкими криками, ни свистками, он *моральным влиянием* двух вынутых им из кармана револьверов, пробрался через толпу на площадь; и оставался там, пока личная безопасность Леопольда и всего его семейства не была обеспечена.

Как бы то ни было, это событие из жизни нынешнего первого министра свидетельствует о непоколебимой честности его и твердости в своих убеждениях.

Чтоб объяснить то, что могло показаться загадочным в его позднейшей жизни, чтоб объяснить увлечение, с каким тосканцы предались идее итальянского единства почти в ущерб

своим частным выгодам, мне кажется необходимым маленькое отступление в давно прошедшие века. Несмотря на всё мое желание не вдаваться в археологию, я вынужден сделать это, потому что многое в теперешней итальянской жизни является прямым результатом прошедшего, и чтобы вполне понять эти отдельные случаи, нужно прежде добраться до других, которыми они порождены.

Между муниципальными республиками Италии, Тоскана или, правильнее, Флорентийская республика, первенствовала во все времена. Я не говорю здесь ни о венецианской, ни о геновской, – та жизнь давно прошла и уже не воскреснет: мраморные дворцы и церкви полу-восточной архитектуры, вот всё, что осталось от нее. Но жизнь Флоренции была иного рода. Община народная – *del popolo magro*, как ее называли в отличие от общины олигархической, *del popolo grasso*, прежде всего выработалась во Флоренции. Чтоб устоять, во что бы то ни было, или лучше, чтобы не уступить заклятым врагам своим, флорентийское купечество решилось установить в своем родном городе герцогскую власть. Флорентийские герцоги не имели ничего общего с тиранами северной Италии, и однако же вскоре они стали очень не популярны. Во Флоренции образовалось много партий. Парии эти со всевозможными оттенками были большей частью против великих герцогов, или по крайней мере против семейства Медичей, стоявшего тогда во главе. Одни боролись из честолюбивых видов, другие из привязанности более или менее бескорыстной к павшему величию городской общины; но соединенные усилия всех их часто одерживали верх, и Медичи неоднократно должны были оставлять Флоренцию, пока наконец соединенные войска папы и императора не утвердили раз навсегда этот образ правительствования в лице незаконного сына папы Климента, Александра Медичи. Новый герцог, опираясь на иностранную помощь, уничтожил одно за другим преимущества народа. Этим собственно и кончается история Флорентийской республики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.